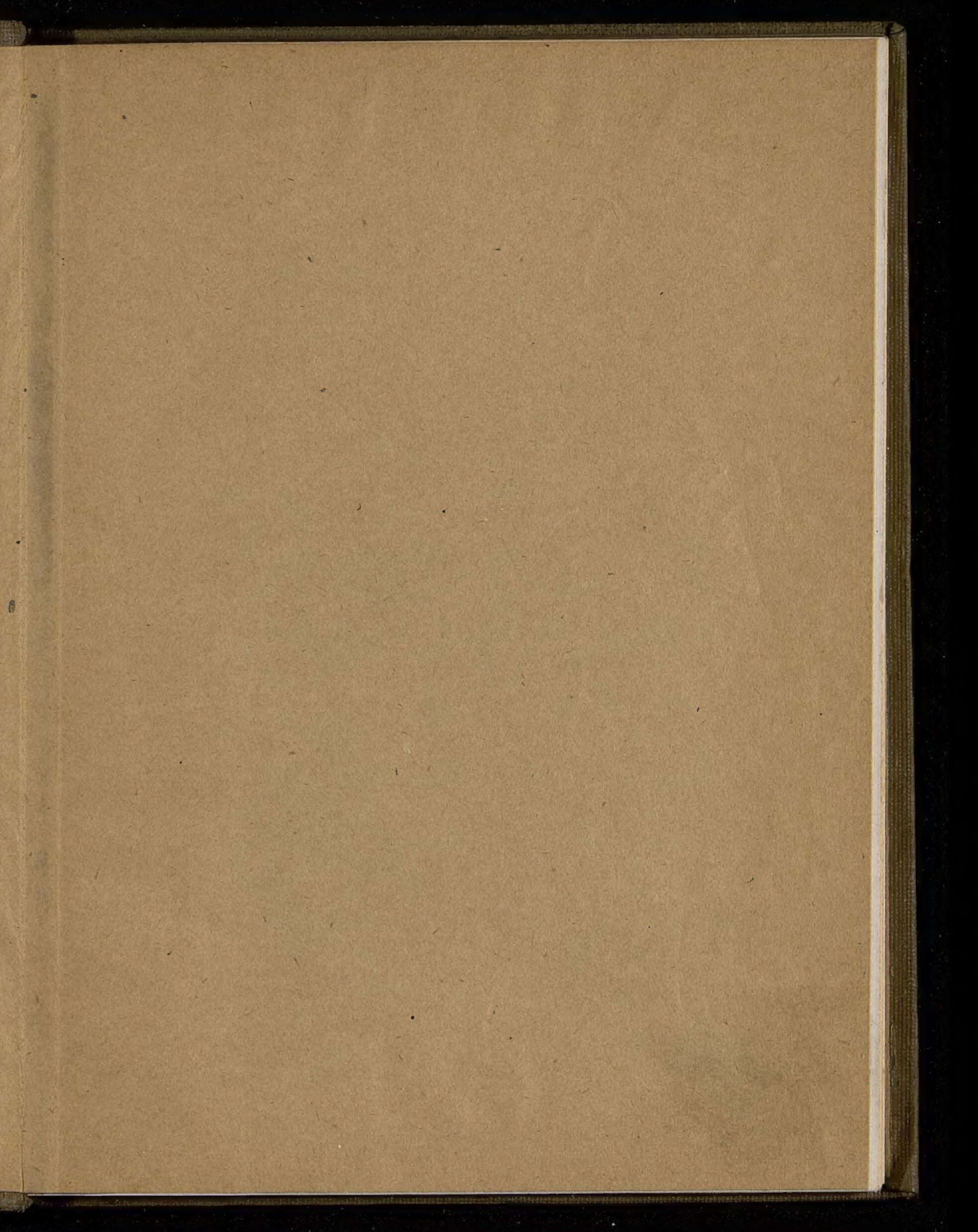
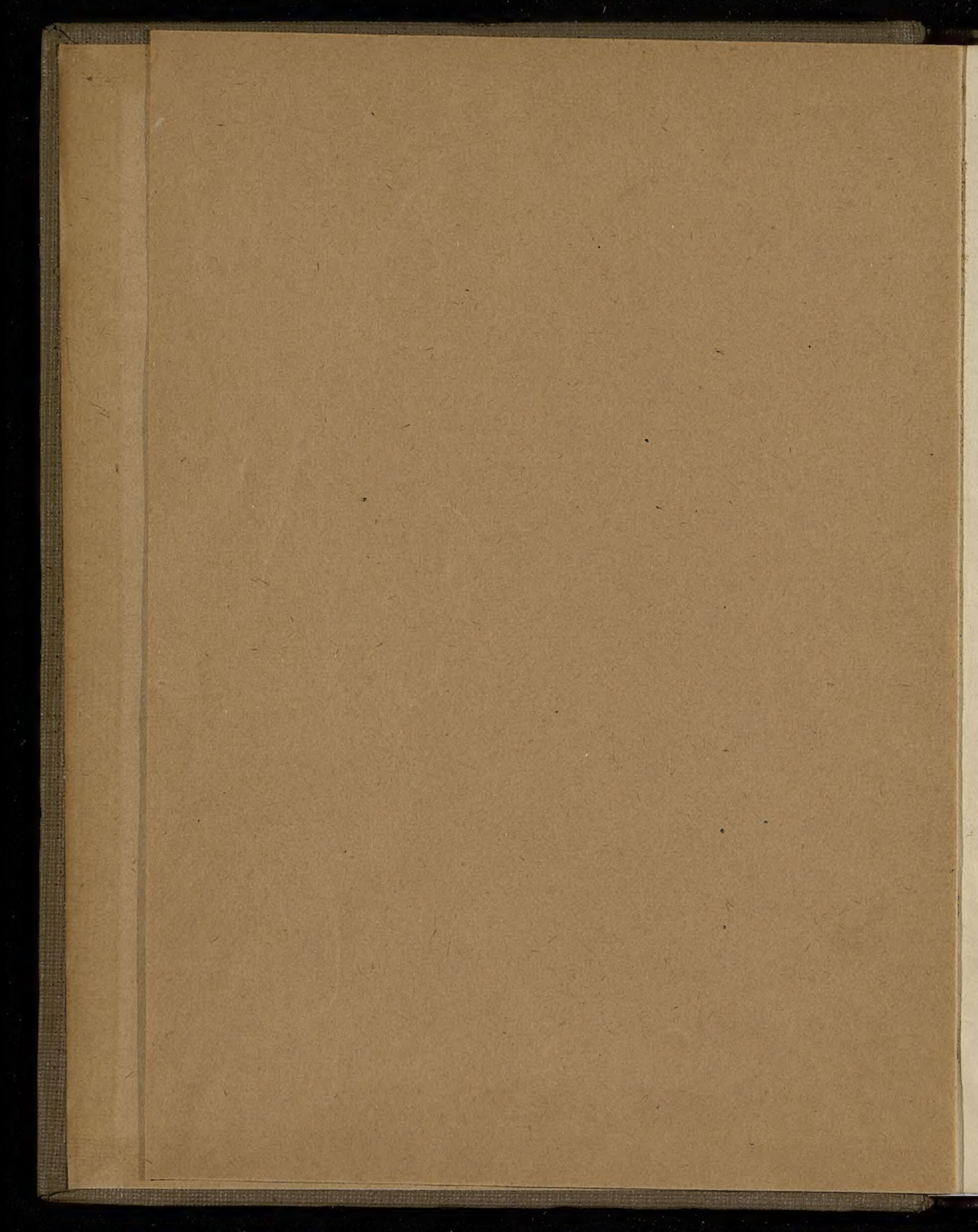
СТАЛИН И ДЗЕРЖИНСКИЙ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

ОГИЗ
КИРОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КИРОВ

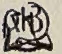

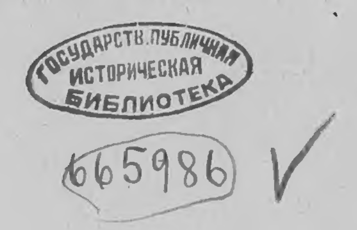
П. СОФИНОВ

СТАЛИН И ДЗЕРЖИНСКИЙ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

КИРОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КИРОВ 1940

Сок

„В период 1918—1920 гг. товарищ Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи, — там не было видно Сталина. Но там, где в силу целого ряда причин трещали красные армии, где контрреволюционные силы, развивая свои успехи, грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу,—там появлялся товарищ Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, был беспощаден и — создавал перелом, оздоровлял обстановку“.

К. Ворошилов

В первой половине 1918 года началась иностранная военная интервенция против Советской республики.

Триумфальное шествие Великой Октябрьской социалистической революции по России и следовавшее за ним укрепление Советской власти вызвали бешеную ненависть внутренней контрреволюции и иностранной буржуазии. Заключение Брестского мира усилило тревогу бывших союзников царской России в мировой империалистической войне. Они опасались, что этот мир укрепит Германию и осложнит для них обстановку на фронте, что заключение мира между Советской Россией и Германией вызовет стремление к миру и среди воюющих стран и тем самым подорвет проводимую империалистами войну. Наконец, буржуазию всех стран пугало больше всего самое существование Советской республики. Империалисты боялись, что „существование Советской власти на территории громадной страны и ее успехи в стране, последовавшие после свержения там власти буржуазии, могут послужить заразительным примером для рабочих и солдат Запада, охваченных глубоким недовольством затянувшейся войной и могущих — по

примеру русских — повернуть штыки против своих господ и угнетателей“[1].

Поэтому империалисты Антанты и решили задушить Советскую власть путем интервенции.

Внутри страны свергнутые помещики и капиталисты, разбитые большевистской партией — кадеты меньшевики, анархисты, эсеры всех мастей, всякого рода буржуазные националисты — составляли другой лагерь непримиримых врагов нашего народа. Так как „ни одна из этих сил не обладала достаточными данными для того, чтобы самостоятельно пойти на свержение Советской власти“[2], они объединились для совместной борьбы с Советами.

Не объявляя войны, империалистические хищники воровским образом высадили свои войска на нашей территории.

9 марта 1918 г. англичане высадили в Мурманске первый десант. К 18 марта на рейде в этом порту уже находились английские крейсеры „Глори“ и „Кокрен“ и французский крейсер „Адмирал Об“. В начале апреля во Владивостоке высадились японские и английские войска.

На Северном Кавказе белогвардейские генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, с помощью англо-французов, организовали „добровольческую армию“ для борьбы с властью рабочих и крестьян. На Дону с той же целью генералы Краснов и Мамонтов подняли мятеж донских казаков.

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 215.

[2] Там же, стр. 216.

В конце мая для мятежа против Советской власти эсерами и англо-французами был использован чехословацкий корпус, состоявший из военно-пленных, возвращавшихся на родину через Сибирь и Дальний Восток.

Мятеж охватил Среднюю Волгу и Сибирь.

После выступления чехов во Владивостоке высадились войска США, Франции и вновь прибывшие английские и японские части.

Активную помощь интервентам и русским белогвардейцам оказывали эсеры и меньшевики, вдохновлявшиеся, как теперь установлено, подлыми изменниками Троцким и Бухариным. Они организовывали мятежи, диверсии, террористические акты против вождей революции. Вместе с империалистической сворой они мечтали увидеть Советскую республику раздавленной и потопленной в крови. Владимир Ильич Ленин говорил в своей речи 30 августа 1918 г., что „подлое дело русских капиталистов и помещиков, по существу продолжавших политику свергнутого народом царя,—прикрывали меньшевики и эсеры, выступавшие, как социалисты, а на деле продававшие социализм в угоду англо-французской бирже“ [1].

Таким образом внутренняя гражданская война слилась с войной внешней в одно неразрывное целое. „Кулацкое восстание, чехословацкий мятеж, мурманское движение, — это одна война, надвигающаяся на Россию“ [2],—писал Ленин в тот период.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXIII, стр. 200.

[2] Там же, стр. 160.

Всюду, где ступала нога интервентов, восстанавливалась власть капиталистов и помещиков. Иностранные захватчики заняли богатейшие окраины Советской страны: Дальний Восток и Сибирь, часть Средней Азии, Закавказье, Донбасс, Крым, Украину, Белоруссию, Мурманскую и Архангельскую губернии.

Молодая Советская республика оказалась отрезанной от важнейших источников руды, угля, нефти, железа, хлеба.

Грозные тучи нависли над Советской страной.

В этот тяжелый момент, когда нехватало хлеба, мяса, топлива, когда голод неумолимо терзал трудящихся, рабочий класс героически переносил трудности, не сомневаясь в своей победе.

Наш народ начал великую отечественную войну. На фронты были брошены тысячи коммунистов и комсомольцев. Около половины всего состава партии и комсомола с оружием в руках защищало завоевания революции.

Ожесточенная вооруженная борьба выдвинула новые вопросы и в области военного строительства. Практика показала, что принцип добровольности в новых условиях оказался уже недостаточным. Необходимо было совершить переход от добровольческого принципа к принципу всеобщей воинской повинности рабочих и беднейших крестьян, необходимо было отказаться от выборности командного состава и ввести в рядах армии сознательную железную дисциплину.

Решением правительства, еще в апреле 1918 г., были созданы окружные, губернские, уездные и во-

лостные комиссариаты по военным делам. Они дали возможность провести подготовительную работу к первому призыву в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 29 мая ВЦИК принял декрет о переходе от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян. Этот переход, говорилось в декрете, „повелительно диктуется всем положением страны как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей на почве голода контрреволюции как внутренней, так и внешней“ [1].

Декрет ВЦИК имел колоссальное значение. В короткий срок Красная Армия стала миллионной. Вооруженные силы Советской республики быстро росли и крепли.

Всей обороной страны руководила могучая большевистская партия во главе с испытанными стратегами пролетарской революции Лениным и Сталиным.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ К КОНЦУ 1918 г.

С востока Советской республике грозили восставший корпус чехословаков и белые армии контрреволюционного комитета учредительного собрания.

В первой половине 1918 г. на Восточном фронте, в огромном районе: Пенза — Симбирск — Казань — Сарапул — Пермь — Верхотурье — Екатеринбург — Челябинск — Оренбург — Уральск — Самара, против контрреволюционных сил действовали отряды красногвардейцев, сформированные местными военкоматами и

[1] „Правда“ от 30 (17) мая 1918 г.

присланные из центра отдельные красноармейские части.

Постановлением Революционного Военного Совета Восточного фронта от 26 июня 1918 г. отряды и отдельные части, действовавшие против чехов в районе Уфа — Самара и Уфа — Челябинск, были объединены во II армию Восточного фронта.

Отряды, действовавшие против чехов в направлениях Пермь — Екатеринбург — Челябинск и Пермь — Екатеринбург — Ишим, согласно приказов командующего Восточным фронтом от 14 и 29 июня 1918 г. были объединены в III армию. Все войска, находившиеся в ее тылу (район Вятка — Глазов — Пермь — Екатеринбург), подчинялись III армии.

Используя слабость и разобщенность вновь созданных Красных Армий, противник усиленно наступал к Волге. Восставшие в мае чехословаки, совместно с белой армией „Комитета учредительного собрания", заняли 21 июля Симбирск, а 6 августа Казань.

Чехословацкий мятеж и успехи белогвардейцев на Волге послужили сигналом к мятежу „эсеровски настроенных рабочих на Воткинском и Ижевском заводах" [1].

Рабочие этих заводов в большинстве своем не являлись подлинными пролетариями. Наряду с работой на предприятии они имели свое хозяйство, находились в тесной связи с деревней, и поэтому мелко-буржуазная идеология была среди них господствующей. Ска-

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 217.

залось также изменение состава рабочих за время империалистической, а потом гражданской войны. Ленин говорил в 1922 г., что „очень часто, когда говорят „рабочие“, думают, что значит это фабрично-заводский пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны...“ [1].

Во время гражданской войны наиболее сознательные рабочие ушли на фронт защищать свою страну от интервентов. Состав рабочих Ижевского и Воткинского заводов пополнился выходцами из деревни, на которых огромное влияние оказывали эсеры и меньшевики.

Мятеж был заранее подготовлен эсеровско-офицерской организацией. Воспользовавшись недовольством эсеровски настроенных рабочих в связи с объявлением мобилизации в Красную Армию, контрреволюционная организация подняла 7 августа вооруженный мятеж и объявила Советскую власть свергнутой.

В руках неприятеля оказались такие важнейшие предприятия, как Ижевский и Воткинский заводы. Кулачество смежных с Ижевским уездов—Елабужского, Малмыжского и Глазовского—пополняло ряды мятежников. К октябрю ижевско-воткинская белогвардейская армия представляла внушительную двадцатипятитысячную военную силу. Она оказывала сущест-

---

[1] Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), том II, стр. 517.

венную поддержку контрреволюционному „Комитету учредительного собрания“ и чехословакам, а впоследствии Колчаку.

Укрепившись на Волге, по линии Казань — Саратов, контрреволюция Восточного фронта мечтала соединиться с белым донским казачеством в районе Царицына. Именно Царицын являлся в этот период пунктом наибольшего обстрела со стороны противника. „Оно и понятно, ибо взятие Царицына и перерыв сообщения с югом обеспечило бы достижение всех задач противников: оно соединило бы донских контр-революционеров с казацкими верхами Астраханского войска и Уральского, создав единый фронт контр-революции от Дона до чехо-словаков, оно закрепило бы за контр-революционерами, внутренними и внешними, юг и Каспий, оно оставило бы в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа...“ [1].

Однако, несмотря на упорное стремление, белогвардейцам так и не удалось взять Царицын. Героические защитники Царицына под руководством товарищей Сталина и Ворошилова разбили и далеко отбросили противника.

Одновременно перешли в наступление и Красные Армии Восточного фронта и уже в сентябре добились крупных успехов. 9 — 10 сентября была взята Казань, 12 сентября—Симбирск, 4 октября—Сарапул, 7 октября — Самара, 14 октября—Бугульма, 25 октября — Бугуруслан.

---

[1] „Сталин о юге России“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, Воениздат, 1937 г., стр. 72.

В начале ноября 1918 г. Ленин лично дал указание члену Реввоенсовета II армии С. Гусеву о скорейшей ликвидации ижевско-воткинского мятежа.

7 ноября частями II Красной Армии, из которых выдающуюся роль в ижевской операции сыграла дивизия тов. Азина, был занят Ижевск, а через несколько дней Воткинск. Ленин телеграммой поздравил красные части с победой [1]. Проходивший в Москве VI Всероссийский съезд Советов приветствовал геройские отряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, разрушившие важное белогвардейское гнездо на красном Урале. Съезд от имени рабочего класса выразил бойцам благодарность за доблестные подвиги [2].

В результате побед Красной Армии мятежные чехословаки были отброшены к Уралу. Фронт продвинулся на восток и проходил, примерно, по линии: восточнее Новоузенска, западнее Шилиной балки на Бузулук — Бугульму — Мензелинск — Сарапул, восточнее Перми на Верхотурье. На левом фланге фронта (от Оханска на Верхотурье) действовала III армия в составе 5-й Уральской, 29-й и 30-й стрелковых дивизий. Южнее, от Оханска до железнодорожной линии Казань — Екатеринбург, располагалась II армия (около 14 000 штыков, 700 сабель и 70 орудий). Дальше развертывалась V, I и IV армии.

Казалось бы, что начавшийся перелом на Восточном фронте необходимо было закрепить и развить

---

[1] В. И. Ленин. „Из эпохи гражданской войны". Партиздат, 1934 г., стр. 13.

[2] Газета „Ижевская правда" № 4 от 7 декабря 1918 г.

дальнейшее успешное наступление. Но ни Реввоенсовет республики, ни Реввоенсовет фронта не приняли соответствующих мер, и наступление замедлилось. Троцкий, проводя предательскую, авантюристскую политику, отдал даже распоряжение о переброске I и II армий с Восточного на Западный и Южный фронты. Ослабление Восточного фронта в тот момент, когда враг был еще не добит и готовился к новому нападению — грозило величайшей опасностью. Только благодаря энергичным мерам удалось оставить обе армии на Восточном фронте. Но путанные авантюристские директивы Троцкого сыграли свою вредную роль. Вторая армия, освободившись после ижевско-воткинской операции, долго бездействовала, связанная противоречивыми распоряжениями, и это бездействие дорого впоследствии обошлось нашим частям.

Белогвардейские отряды, отброшенные от Волги, готовились к новому наступлению на Советскую республику.

Ввиду того, что попытка объединить у Царицына восточную и южную контрреволюцию провалилась, интервенты решили объединить свои силы на севере. В северном направлении особенно были заинтересованы английские империалисты. 2 августа 1918 г. они захватили Архангельск и двинули свои части на Котлас с целью объединиться там с сибирской контрреволюцией. Это дало бы им возможность захватить богатейшие Урал и Сибирь и установить кратчайший путь для вывоза сырья (по железной дороге до Котласа, далее по Северной Двине до Архангельска и

оттуда морем в Англию). Осуществить этот план империалисты рассчитывали с помощью своего ставленника адмирала Колчака, предоставив ему деньги, оружие, обмундирование. Колчак создал в Сибири огромную и хорошо вооруженную армию. В эту армию влились: сибирские кулаки, контрреволюционно настроенное уральское и оренбургское казачество, остатки чехословацкого корпуса, белогвардейцы, безуспешно пытавшиеся соединиться летом 1918 г. у Царицына с генералом Красновым, и прочие злобные враги Советской власти.

17 ноября в ставку Колчака, в Омск прибыл французский генерал Жанен, действовавший в Сибири совместно с английским генералом Ноксом. Интервенты выражали неудовольствие по поводу медленных действий Колчака против Советской республики. С санкции англичан и французов 18 ноября в Омске был произведен подготовлявшийся с июля колчаковский переворот. Выпущенное по этому поводу воззвание гласило: „Ввиду тяжкого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной власти в одних руках, совет министров постановил: передать временно осуществление Верховной Государственной власти адмиралу А. В. Колчаку, присвоив ему наименование Верховного Правителя“.

Колчаковский переворот был одним из этапов интервенции. После этого переворота генерал Жанен заявил, что „в течение ближайших пятнадцати дней вся Советская Россия будет окружена со всех сторон и будет вынуждена капитулировать“.

С этой целью по заданию англичан был разработан стратегический план основного наступления Колчака — через Пермь — Вятку на Котлас для соединения с англичанами, двигавшимися от Архангельска вверх по Северной Двине. Одновременно намечался удар оккупантов и белогвардейцев от Мурманска, через Кемь — Сорока — Петрозаводск, на Петроград.

Адмирал Колчак мечтал первым занять Москву и стать хозяином положения. Он носил громкий и пышный титул „верховного правителя“, но в действительности был жалкой марионеткой в руках интервентов, которые вооружали, обували и одевали его армию, направляя ход военных операций.

Сибирская армия Колчака во главе с чехословацким генералом Гайда [1], согласно планам интервентов, должна была развивать свои операции по трем этапам:

1-й этап включал овладение районом: Кайгород, Оханск, Оса, Воткинский и Ижевский заводы.

2-й этап—захват города Глазова и реки Вятки.

3-й этап—захват гг. Вятки, Нолинска, Уржума, Казани и реки Волги.

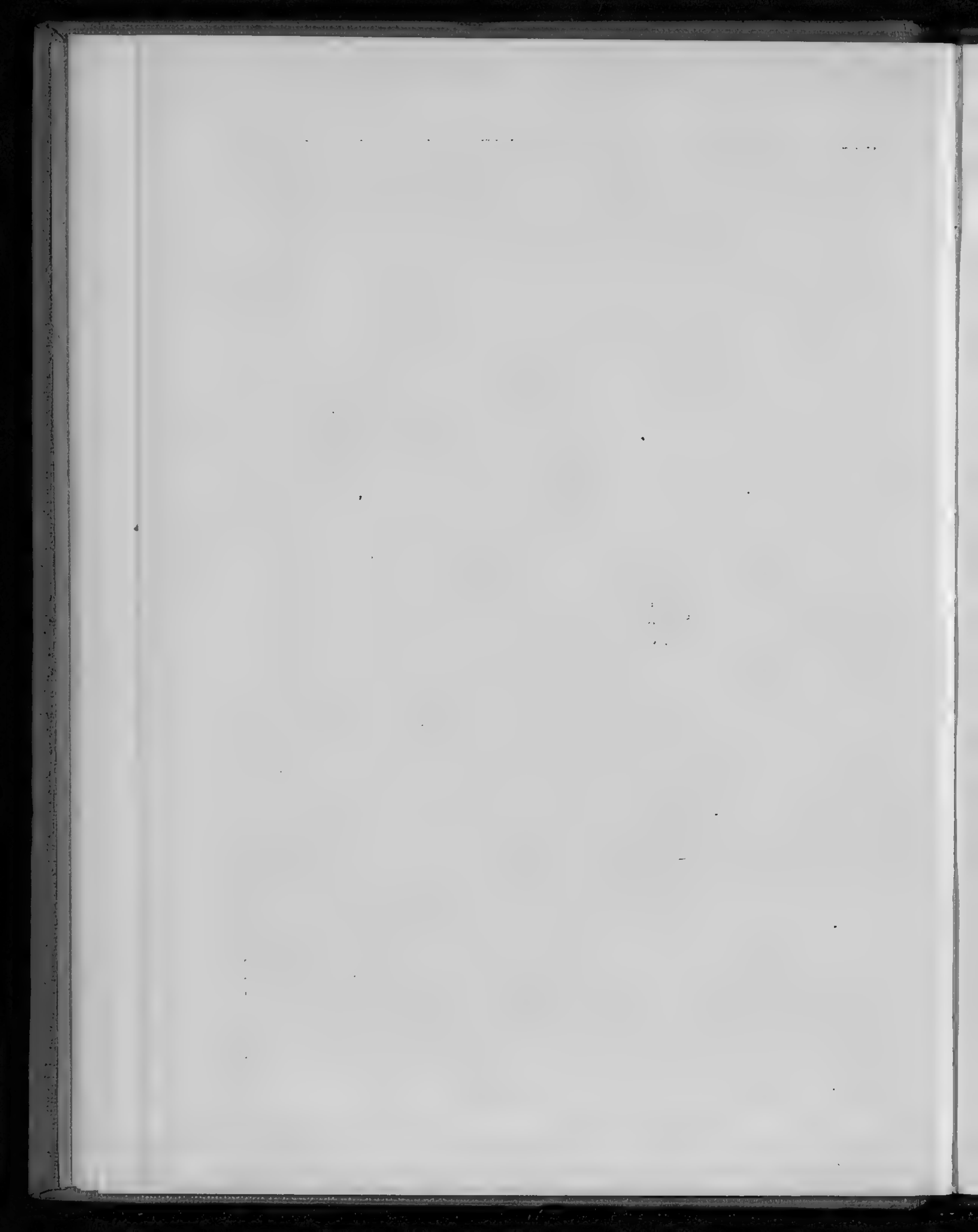
Дальше, после соединения с интервентами в рай-

---

[1] После разгрома чехов Красной Армией генерал Гайда поступил на службу к Колчаку. Официально это было оформлено приказом министра национальной обороны Чехо-Словакии 31 декабря 1918 г. В приказе говорилось: „Начальник 2-й чехословацкой дивизии, командующий екатеринбургской группой Р. Гайда, получил по собственной просьбе отпуск на неопределенное время. Считаясь с настоящею военною ситуацией, он может принять службу в русской армии“. (ЦАОР, газета „Военные ведомости“ № 14 от 24 января 1919 г.).

Товарищ И. В. Сталин в 1919 году.

оне Котласа и Вологды, предполагалось движение на Москву.

На сибирскую армию возлагалась основная задача в подготовляемом наступлении, поэтому она была укреплена вновь сформированными сибирскими частями. К декабрю 1918 г. армия Гайды имела в своих рядах 40 000 штыков, 4000 сабель и более 100 орудий.

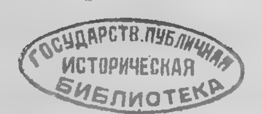
На второй Уфимский корпус и Камскую речную флотилию возлагалась задача: операцией на Сарапул, Мензелинск оттягивать силы Красной Армии с пермского фронта, облегчая тем самым продвижение армии Гайды. Основной удар на Восточном фронте направлялся, таким образом, на III Красную Армию, прикрывавшую Пермь.

Товарищи Сталин и Дзержинский, посланные ЦК партии для расследования причин сдачи Перми, дали в своем отчете яркую картину пермской катастрофы.

Неизбежность этой катастрофы по заключению партийно - следственной комиссии определилась уже к концу ноября 1918 г.

Против свежей, хорошо вооруженной, располагавшей опытным командным составом сибирской армии выступала усталая и истрепанная многомесячными боями III армия с командованием, неспособным осознать происходящее и учесть заранее неизбежность катастрофы.

К началу пермской операции III армия, насчитывавшая в своих рядах 35 000 штыков и сабель, растянулась по линии фронта от Надеждинского завода до левого берега реки Камы, южнее гор. Осы (более 400 верст). Занимая крайнее положение на левом фланге

фронта, армия, однако, не была обеспечена от обхода с севера. Взаимодействия между III и II армиями (последняя развернулась несколько южнее) не было. Противник, охватив полукольцом наши войска, повел бешеное наступление на Кушву.

Товарищи Сталин и Дзержинский дают следующее описание пермской катастрофы: „30/XI противник занимает ст. Выя и, отрезав наш левый фланг от центра, почти целиком уничтожает третью бригаду 29-й дивизии (спаслись только комбриг, начштаб и комиссар, броневик № 9 попал в руки противника). 1/XII противник на Лысьвинском направлении занимает ст. Крутой Лог и забирает наш броневик № 2. 3/XII противник занимает Кушвинский завод (Верхотурье и весь северный район, отрезанный от центра, оставляются нашими частями). 7/XII противник занимает Бисер. 9/XII — Лысьву. 12—15/XII — ст. Чусовскую, Калино, Селянку, при переходе Первого советского маршевого батальона на сторону противника. 20/XII противник занимает ст. Валежную. 21/XII — Гори Мостовая, при переходе первого советского стрелкового полка на сторону противника. Противник подходит к Мотовилихе при общем отходе наших частей“ [1].

Армия беспорядочно отступала к Перми, теряя по пути тысячи бойцов, десятки орудий, сотни пулеметов. В особенно тяжелом положении оказалась 29-я дивизия. Голодая в течение многих суток, дивизия отбивалась

---

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, стр. 113—114.

от наседавшего врага. По сообщению комдива 29-й дивизии „бои настолько вымотали людей, что они выбыли совершенно из строя как боевые единицы, а к тому же и проклятая голодовка... части голодали трое суток". Камышловский полк после отражения атаки противника на ст. Азиатская был неспособен „даже двигаться от холода и голода" [1].

А в это время командование III армии около месяца вредительски задерживало в резерве бронепоезд № 4, имевший семь трехдюймовых полевых, два сорокамиллиметровых и одно шестидюймовое орудие с вращающейся башней. И только по требованию бойцов бронепоезда он был двинут в начале декабря на фронт 29-й дивизии [2].

Исключительно тяжелое положение на Восточном фронте создалось вследствие прямого невыполнения предателем Троцким указаний В. И. Ленина. Ленин еще в августе требовал от Высшего Военного Совета: „Считаю необходимым всячески усилить Восточный фронт. Предлагаю В. В. Совету разработать план снятия с Западного фронта наибольшего числа частей. План этот надлежит провести в кратчайший срок. Должны пойти все боеспо-

---

[1] ЦАКА, фонд 176, опись 5, дело 38, лл. 94—96. Камышловский полк прикрывал у ст. Азиатской отступление наших частей. Героические бойцы полка удержали станцию, благодаря чему „броневик НР-5 и два других состава, находившиеся в Гороблагодатской, вышли, а вслед за ними прошел и 4-й Уральский полк, после боя противник понес такие потери, что возобновить наступление на ст. Азиатскую не мог". (Там же).

[2] ЦАКА, фонд 176, дело 912, лл. 32—34, 38.

собные части. Железные дороги получат предписание немедленно пропустить уже идущие части на фронт и будут всемерно готовиться к принятию и перевозке новых.

Предлагаю Высш. В. Совету следить за правильностью и быстротой выполнения нарядов железными дорогами. О промедлениях председателю В. В. Совета докладывать мне. Ответственность за скорейшее исполнение плана возлагаю на В. В. Совет"[1].

Несмотря на эту прямую директиву В. И. Ленина, в период с августа по декабрь на пополнение III армии по нарядам из центра прибыло всего 13 153 человека, с ними 3 388 штыков, 134 пулемета, 22 орудия, один бронепоезд и 977 лошадей. При этом, под видом подкреплений, часто сознательно посылались части, настроенные контрреволюционно.

Из „подкреплений", присланных в III армию, Первый Кронштадтский морской полк (1 248 человек) сдался в плен, 11-й Отдельный батальон морской пехоты разбежался и т. д. Такое положение являлось результатом вредительской пораженческой политики Троцкого и его приспешников в вопросах комплектования и организации армии. К красноармейской службе привлекались все мобилизованные, независимо от их имущественного положения, вопреки постановлению Совета Народных Комиссаров.

Командирами ставились офицеры, нередко переманивавшие части на сторону неприятеля.

---

[1] Музей Ленина, зал XI.

Разумеется, такое „подкрепление“ не могло улучшить обстановки, создавшейся на фронте III армии.

6 декабря командарм III обращается в Реввоенсовет Восточного фронта за подкреплением, но получает отказ. В свою очередь Реввоенсовет фронта 9 декабря 1918 г. обратился к Главкому с просьбой „оказать поддержку Перми высылкой одной бригады из Москвы или другого пункта надежной и вооруженной“ [1]. Эта просьба, впрочем, не отличалась особой настойчивостью. Командующий фронтом старался по мере возможности „не замечать“ угрожающей обстановки. На распоряжение Главкома о необходимости „парировать удары противника на Пермь маневром II и V армий“, он наложил резолюцию: „Наше положение много лучше, чем, очевидно, это кажется Главкому“. И такая резолюция была написана 20 декабря, за три дня до падения Перми, т. е. в то время, когда уже не было абсолютно никаких оснований для такого хвастливого заявления.

Само распоряжение Главкома о необходимости парировать удар противника маневрами II и V армий, отданное 18 декабря, не отвечало требованиям обстановки и не могло радикально улучшить положение III армии. Главное командование прекрасно знало, что V армия, находясь на далеком расстоянии от III армии, не могла оказать ей существенной помощи. Вторая же армия получала путаные и противоречивые распоряжения. Долгое время Главком ограничивал ее деятельность очищением от противника левого берега

[1] ЦАКА, дело 891, лл. 42—43.

Камы, предупреждая о переброске на другой фронт. 19 декабря 1918 г. командование Восточным фронтом сообщало Главкому: „Все что можно снять, отправляется на южный фронт“ [1]. Не вступая в бой, II армия топталась на месте, в то время как бойцы III армии обливались кровью в неравной борьбе с противником.

Владимир Ильич, внимательно следивший за ходом операций в районе Перми, получавший точные сведения о положении на фронте от партийных организаций и рабочих, не верил „успокоительным“ сообщениям Троцкого. 13 декабря шифрованной телеграммой он потребовал от Реввоенсовета республики энергичной помощи Перми и Уралу.

Под видом подкрепления Троцкий послал туда из гор. Ярославля 3-ю бригаду 7-й дивизии [2], совершенно неподготовленную в военном отношении, но имевшую в своих рядах сплоченную кулацкую группу, распространявшую контрреволюционное влияние на остальных бойцов.

К счастью, эта бригада не была двинута в бой до приезда на Восточный фронт партийно-следственной комиссии. Тяжелые последствия коварного замысла иуды-Троцкого были своевременно предотвращены товарищем Сталиным.

---

[1] ЦАКА, дело 891, л. 67.

[2] В брошюре А. Гуковского „Ликвидация пермской катастрофы“, Воениздат, 1939 г., стр. 22, ошибочно указана 1-я бригада вместо 3-й. См. „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, стр. 122.

23 декабря Ленин послал Главнокомандующему категорический запрос: „Что сделано для того, чтобы упрочить положение наших частей в районе Перми, требующих от центра срочной помощи?“ [1]. И только после этого запроса Главком дал командующему Восточным фронтом прямое указание о посылке II армии на помощь III. Но было уже поздно.

Тяжелое положение армии усугублялось безобразной постановкой снабжения. Бойцы были вынуждены драться с врагом часто голодными и плохо одетыми.

Вновь формируемые части с первых же дней попадали в тяжелые условия. Предатели, орудовавшие в Уральском окружном военном комиссариате, старались всеми силами убить боевой дух мобилизованных, вызвать у них раздражение и недовольство. Формируемым частям давалось скверное питание, скверное обмундирование, их даже не обеспечивали баней. Часть этих предателей, во главе с заведующим мобилизационным отделом Окрвоенкомиссариата Букиным, перебежала впоследствии на сторону противника.

Такое положение существовало не только со снабжением продуктами питания, обмундированием, но и со снабжением боевыми припасами и оружием.

В начале декабря III армия имела несколько частей, которые не могли быть брошены в бой „за отсутствием сапог, шинелей, а главное винтовок“ [2].

Подобные факты были довольно частыми. Проис-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XXIII, стр. 453 и ЦАКА, дело 18/22, л. 52.

[2] ЦАКА, дело 912, л. 5; дело 891, л. 7.

ходило это потому, что предметами продовольствия армию и население Перми должны были снабжать „Уралснабжение“, „Губснабжение“, „Горснабжение“, „Уснабжение“ и „Управление Снабжения Третьей Армии“. Предметами вооружения армию снабжали: „Центральное Управление Снабжения“, „Главное артиллерийское Управление“, „Чрезвычайная Комиссия Снабжения“ и „Артиллерийское снабжение III армии“. Эта множественность органов, несогласованность действий в них, канцелярская волокита убивали живое дело снабжения.

СОСТОЯНИЕ ТЫЛА

Огромную роль в пермском прорыве сыграл тот факт, что тыл III и II армий не был обеспечен. Товарищ Сталин неоднократно указывал на исключительное значение тыла. 29 октября 1918 г. на Пленуме Московского Совета он говорил: „Известно, что никакой фронт, никакая армия не может долго держаться без крепкого тыла. Если тыл боеспособен,—мобилизация идет нормально и фронт будет крепок“ [1].

Что же представлял собой тыл III армии?

Пермская и Вятская губернии являлись в основном сельскохозяйственными губерниями. Население этих губерний в подавляющем большинстве не испытало на себе крепостничества. Дворянских имений в Вятской губернии до революции насчитывалось немногим более

[1] Сборник „История пролетариата СССР“ № 3, 1934 г., стр. 149.

ста, и помещичьи земли здесь были немногочисленны. Владимир Ильич, характеризуя отношение сибирских крестьян к Колчаку, говорил в 1919 г.: „Мы не могли дать крестьянам в Сибири того, что дала им революция в России. В Сибири крестьянство не получило помещичьей земли, потому что там ее не было, и потому им легче было поверить белогвардейцам“ [1].

Аналогичное явление мы наблюдаем и в тылу III армии. Здесь очень сильно сказывалось колебание среднего крестьянства. Близость фронта создавала неуверенность середняка в прочности Советской власти, усиливала это колебание. При правильной классовой политике в деревне, при политике опоры на бедняка и нейтрализации середняка, можно было укрепить тыл. Но местные советские и партийные организации допустили в своей работе грубейшие ошибки, искусно использованные кулачеством и белогвардейцами против Советской власти.

Антипролетарское влияние сказывалось также и среди рабочих Вятской губернии. Мы уже видели это на примере ижевско-воткинского мятежа, начавшегося в августе и ликвидированного только в ноябре. К этому же периоду относится и мятеж авантюриста Степанова. Пробравшись обманным путем в ряды советских работников, Степанов в июле был направлен во главе продовольственного отряда в южные уезды Вятской губернии. С первых же дней пребывания здесь Степанов повел себя подозрительно.

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XXIV, стр. 527.

8 августа, ограбив Малмыжский Совдеп, он открыто выступил против Советской власти. Совпадение начала авантюры Степанова с днем контрреволюционного мятежа в Ижевске позволяет думать, что оба эти выступления заранее были согласованы.

Расстреляв верных Советской власти бойцов продотряда и пополнив свою банду за счет местных кулаков, эсеров и разных авантюристов, Степанов захватил власть в Уржумском и Нолинском уездах, зверски расправившись с советскими работниками. Подоспевший Полтавский полк разгромил в конце августа степановские банды и восстановил Советскую власть в Уржумском и Нолинском уездах [1].

Контрреволюционные действия врагов Советской власти не ограничивались только военными выступлениями.

Темные силы реакции в лице духовенства, свергнутой буржуазии и купечества всяческими методами вели наступление против Советов. В церквах произносились погромные проповеди против большевиков. В одном из донесений во ВЦИК из Яранского уезда сообщалось, что духовенство спровоцировало прямо на паперти церкви избиение крестьянина, запротестовавшего против антисоветской проповеди [2].

Отсюда ясно, что местным партийным и советским организациям приходилось работать в чрезвычайно

---

[1] ЦАОР, фонд 1235, опись 52, дело 136, л. 10, а также дело 140, л. 4.

[2] Там же, дело 145, л. 1 ,а также фонд 393, дело 33-б, лл. 163—262.

сложной и напряженной обстановке. Нужны были стойкие и опытные большевики, которые могли бы разобраться в сложном переплете классовой борьбы и сделать правильные революционные выводы. Таких людей было далеко недостаточно. С одной стороны, в руководящие губернские организации пробрались люди, не заслуживавшие доверия, а с другой—многие честные работники не обладали достаточной опытностью. Товарищи Сталин и Дзержинский писали в своем отчете: „Недочеты в работе объясняются не только расхлябанностью, небрежностью, отсутствием чувства ответственности у одной части работников, но и неопытностью другой части работников. Комиссия нашла на местах целый ряд абсолютно честных, неутомимых, преданных работников, допустивших, однако, ряд промахов в своей работе, благодаря своей недостаточной опытности“[1].

Промахи эти были довольно серьезными. Начать хотя бы с того, что даже Вятский губернский съезд Советов, проходивший в апреле 1918 г., принял неправильное и вредное постановление о повышении хлебных цен. Ленин, узнав об этом решении, телеграфировал в Вятку: „Установленные закончившимся съездом советов твердые цены на хлеб явно направлены против рабочих и деревенской бедноты в угоду крестьянской мелкой буржуазии. Кто будет покупать [по] таким ценам, вообще выше твердых цен установлен-

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, стр. 148.

ных Центральной Властью... для перепродажи или поставок [1], подлежит преследованию. Свободные излишки [у] деревенских кулаков вы должны отобрать. Немедленно оповестите [об] этом все уездные Совдепы. Требую немедленного выезда [в] Москву для личных объяснений председателю закончившегося съезда, председателю Совдепа, председателю Советов Снабжения Наумова 82/Т.

Председатель Совнаркома—*Ленин.*

Нарком Продовольствия—*Цюрупа*" [2].

Ошибки губернских организаций повторялись в уездах. 13 июня во ВЦИК, на имя тов. Свердлова, пришла телеграмма, в которой работники Уржумского уезда прямо выступали против установленных правительством твердых цен на хлеб. Они считали невозможным проведение этих цен и слагали с себя ответственность за приостановку подвоза хлеба. Тов. Свердлов ответил короткой телеграммой: „Исполнение декретов обязательно, нарушение повышением цен на хлеб недопустимо" [3].

Только под нажимом ВЦИК и Совнаркома местные организации начали исправлять грубейшую ошибку на продовольственном фронте.

Большие извращения были допущены также при

---

[1] В подлиннике—постановок. Слова, взятые в прямые скобки, добавлены нами. **П. С.**

[2] Архив Октябрьской революции Кировской области, фонд губисполкома, опись 71, дело 27 за 1918 г., л. 618.

[3] ЦАОР, фонд 1235, опись 52, дело № 144, лл. 5, 7.

организации в деревне комитетов деревенской бедноты. Комбеды имели огромнейшее значение. Ленин говорил в ноябре 1918 г.: „Организация деревенской бедноты... стоит перед нами как самый важный вопрос нашего внутреннего строительства и даже как самый главный вопрос всей нашей революции“ [1].

Именно на комитеты бедноты возлагалась задача сокрушить кулачество — непримиримого и злого врага Советской власти.

В Вятской губернии организация комбедов несколько запоздала. Только в сентябре 1918 г. начался широкий рост комбедов, главным образом, как продовольственных организаций. По данным анкеты Наркомвнудела к ноябрю в Слободском уезде было организовано до 300 комбедов, в Глазовском уезде они были созданы во всех деревнях, а в Омутнинском только в одной деревне [2].

К 1 декабря комитетов бедноты насчитывалось: в Глазовском уезде — 837, Нолинском — 272, Халтуринском — 600, Слободском — 840, Советском — 147, Уржумском — 267. Состоявшийся 23 ноября 1918 г. губернский съезд комбедов наметил в решениях правильную политическую линию своей работы. Но эта правильная политическая линия при практическом ее осуществлении на местах зачастую извращалась. Во многие комбеды проникли кулаки, которые использовали комбеды против Советской власти. Особенно ярко это сказалось в сборе чрезвычайного налога.

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XXIII, стр. 279.

[2] ЦАОР, фонд 393, опись 26, дело 33/б, лл. 322 — 330.

Единовременный чрезвычайный налог был объявлен ВЦИК 30 октября 1918 г. не только как экономическая мера, но и как важнейшее политическое мероприятие, которое должно было расколоть деревню на два непримиримо враждебных лагеря, восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, поднять бедноту на борьбу за Советскую власть. Согласно декрету с зажиточного населения предстояло собрать: в Вятской губернии 300 миллионов рублей, а в Пермской 200 миллионов рублей. Однако в ряде мест кулаки, сидевшие в комбедах, производили раскладку налога не по имущественному признаку, а по душам. В Поломской волости, например, обложение делалось по количеству скота. В результате этого, зажиточные крестьяне, распродавшие скот по высоким ценам, были обложены чрезвычайным налогом наравне с бедняками[1].

Не менее крупные извращения, порой перераставшие в контрреволюционные действия, были допущены в методах сбора чрезвычайного налога. Так, например, председатель исполкома села Иванцевского Слободского уезда Михаил Быстраков и член волостной комиссии по раскладке чрезвычайного налога Сергей

---

[1] Еще до введения чрезвычайного налога в июне 1918 г. группа крестьян Кстининской волости Вятского уезда сообщала во ВЦИК о неправильном наложении контрибуции. В Вятку была послана телеграмма из ВЦИК: „ВЦИК предлагает расследовать немедленно дело наложения красноармейцами контрибуции на крестьян Кстининской волости" (ЦАОР, фонд 1235, дело 136, л. 5). Меры, однако, не были приняты.

Бородавкин избивали крестьян, раздевали в зимнее время на улице, угрожали расстрелом[1]. В селе Екатерининском Оханского уезда Пермской губернии лица, проводившие сбор налога, выдавали вместо форменных расписок клочки бумаги. В ряде уездов неплательщиков налога заключали в неотопленные помещения с нарочно выставленными окнами, допускали даже порку розгами. В одном из докладов Политотдела III армии за 1919 г. мы читаем: „До сих пор, особенно в Глазовском уезде, не забыты истязания и другие преступления, совершенные представителем Уральского Облсовета Троновым, посетившим эти места осенью и зимой 1918 г. и немало содействовавшим своим поведением росту контрреволюционного движения в Глазовском и Слободском уездах, а также в смежных с ними частях Пермской губернии[2].

Некоторые низовые работники додумались до того, что передали взыскание чрезвычайного налога в руки военных комиссариатов и Чрезвычайных Комиссий. Эти и другие искривления классовой линии озлобляли беднейшие слои деревни, а кулачество и белогвардейские агенты умело использовали недовольство в своих интересах. Ленин впоследствии писал: „На примере колчаковских побед в Сибири и на Урале мы все ви-

[1] После указаний товарищей Сталина и Дзержинского о ликвидации извращений в сборе чрезвычайного налога, Быстраков и Бородавкин были расстреляны по приговору Военно-Революционного Комитета. (Кировский АОР, фонд Ревкома, дело 9, л. 24).

[2] ЦАКА, дело 215 — 019.

дели ясно, что малейший беспорядок, малейшее нарушение законов Советской власти, малейшая невнимательность или нерадение служат немедленно к усилению помещиков и капиталистов, к их победам"[1]. Именно в результате извращений „революционный декрет о чрезвычайном налоге, призванный вбить клин в деревне и поднять бедноту за Советскую власть, — этот декрет превратился в опаснейшее оружие в руках кулаков для сплочения деревни против Советской власти"[2].

Партийные и советские организации Вятской и Пермской губерний видели растущее недовольство в деревне, но не принимали никаких мер к исправлению положения. Они проходили мимо даже явно антисоветских действий кулаков и авантюристов, засевших в отдельных учреждениях ряда уездов и дискредитировавших Советскую власть. Перевыборы комбедов по этим губерниям не начинались до февраля 1919 г.

Руководители партийных и советских учреждений как Пермской, так и Вятской губерний считали все население этих губерний кулацким. Такой взгляд был в корне неправильным и вредным. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., в Вятской губернии имелось: безземельных хозяйств — 3,6%, беспосевных — 5,1%, без-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XXIV, стр. 434.

[2] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году". К. Е. Ворошилов „Сталин и Красная Армия", стр. 135.

лошадных — 16,6%, бескоровных — 11,2%; в Пермской губернии хозяйств без посева насчитывалось 17,3%, безлошадных—25,4%, бескоровных — 18,7% [1].

Руководящие работники Вятской и Пермской губерний не уяснили простой истины о том, что сплошь кулацких сел не бывает, что существование кулаков без эксплоатируемых немыслимо. Товарищи Сталин и Дзержинский сообщали Ленину: „...расследование показало, что в Совдепах сидят ненадежные люди, комбеды в руках кулаков, партийные организации слабы, ненадежны, оторваны от центра, партийная работа заброшена, причем местные работники общую слабость партийно-советских учреждений стараются компенсировать усиленной работой Чрезвычайных комиссий, ставших на общем фоне развала партийно-советской работы единственными представителями Советской власти в провинции“ [2].

И дальше: „Все эти обстоятельства повели к тому, что партийно-советские учреждения лишились опоры в деревне, потеряли связь с беднотой и стали налегать на Чрезвычайную комиссию, на репрессии, от которых воет деревня. Сами же Чрезвычайные комиссии, поскольку их работа не дополнялась парал-

---

[1] Данные заимствованы из следующих источников: „Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. (Труды ЦСУ, т. V, вып. I). Статистические сведения по СССР за 1918—1923 гг. (Труды ЦСУ, т. XVIII, отд. 6).

[2] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, стр. 134—135.

лельной положительной агитационно-строительной работой партийно-советских учреждений, попали в совершенно исключительное изолированное положение, во вред престижу Советской власти"[1].

Именно поэтому ЧК не могла предупредить целый ряд контрреволюционных выступлений и раскрыть ряд важнейших белогвардейских заговоров. В самой Перми действовала контрреволюционная организация, подготовлявшая занятие города белогвардейцами. Эта организация группировалась вокруг белогвардейцев Любашева, Симонова и Белобродского. Она широко раскинула свои шпионские сети во всех советских и военных учреждениях Перми. Белогвардеец Белобродский рассказывал впоследствии: „Агенты организации имелись в Чрезвычайной комиссии, в штабе III армии, в военном телеграфе и т. д."[2]. Снабженные фальшивыми паспортами, мандатами и удостоверениями, колчаковские агенты „занимались дезорганизацией тыла Красной Армии, распространяли летучки среди красноармейцев... Были организованы убийства комиссаров и агентов Чрезкома в деревнях и расстрелы комитетов бедноты..."[3].

20 декабря на ст. Григорьевскую были посланы

---

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году". К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия", стр. 136—137.

[2] ЦАОР, колчаковская газета „Освобождение России" № 11, от 16 января 1919 г., гор. Пермь.

[3] Там же.

диверсанты, которые прервали телефонную и телеграфную связь между частями III армии.

Та же белогвардейская террористическая организация провоцировала восстания в тылу. Так, были организованы выступления кулаков в Стряпунинской волости, возле ст. Верещагино, Кунгура и др. Были устроены крушения на ст. Чайковской, Фаленки, Корд, а во время решительного наступления колчаковских войск — два крушения у разъезда № 102. Из членов белогвардейской шайки ЧК удалось арестовать только архиепископа Андронника и офицера Бэк.

В результате развала тыла, армии приходилось сражаться на два фронта. С одной стороны наступали неприятельские войска, которых бойцы Красной Армии видели и знали, с другой стороны, кулачество в тылу, руководимое белогвардейскими агентами, чинило Красной Армии всяческие препятствия. Для обеспечения безопасности железнодорожной линии пришлось снять с фронта бронепоезд.

ПАДЕНИЕ ПЕРМИ

Непрерывные бои в жестокие декабрьские морозы измучили плохо одетых, полуголодных бойцов. Утомленные части ожидали смены, но подкрепления не подходили. Троцкий и его приспешники проводили вредительскую политику войны без резервов. Это они сознательно оставили III армию на растерзание колчаковских полчищ. Пермская катастрофа развертывалась с молниеносной быстротой. Измотанные войска уже не могли устоять против стремительного наступ-

ления врага. Были случаи, когда целые группы бойцов валились, точно подкошенные, в снег и просили своих комиссаров пристрелить их: „не в силах стоять на ногах, тем более не можем ходить, устали, кончайте с нами, товарищи".

В середине декабря встал вплотную вопрос об эвакуации Перми. Разговоры об эвакуации велись еще с августа, но для практической ее организации сделано было чрезвычайно мало. Пермская Центроколлегия, на обязанности которой лежало проведение этого мероприятия, „путалась в ногах у учреждений, вела бесконечные прения о плане эвакуации, но ничего, ровно ничего, не сделала для дела эвакуации (не приготовила даже описи „своих собственных грузов") [1].

Железнодорожные служащие саботировали эту важнейшую работу, а Уральский округ путей сообщения проявил подозрительную беспомощность в деле ликвидации саботажа.

12 декабря в Перми состоялось заседание губернских организаций, посвященное эвакуации города. Так как представитель Центроколлегии отказался взять на себя ответственность за своевременное и четкое проведение этого важнейшего мероприятия, то ответственность была возложена на начальника военных сообщений III армии Стогова. Последний дал торжественное обязательство, что вывезет все, однако обязательство не было выполнено. В результате „...эвакуирова-

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году". К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия" стр. 115.

лась всякая мелочь, ломаные стулья и прочая рухлядь, в то время как готовые составы с механизмами и частями Мотовилихинского завода и Камской флотилии, составы раненых воинов и запасы редких американских осей, сотни здоровых паровозов и прочее богатство остались не эвакуированными" [1].

Перед отступлением из Перми необходимо было взорвать Камский мост, чтобы затруднить продвижение противника. Мост был минирован за несколько месяцев до падения Перми, но после этого никто не удосужился проверить, исправна ли минировка. В конечном счете мост не был взорван, а посланный для исполнения этого поручения некто Медведев не вернулся назад. Так и осталось невыясненным, что случилось с Медведевым и почему мост остался невредимым. Одно вполне ясно, что областные организации и штаб III армии допустили преступную небрежность в выполнении намеченных ими же самими мероприятий. За несколько дней до падения Перми решено было организовать артиллерийскую оборону города. В создавшейся обстановке это была пустая и вредная затея. Установка батареи была поручена начальнику артиллерийской бригады Валюженичу. Этот предатель затянул установку орудий до 24 декабря и в тот же день сбежал к белым. Беспечность и бесхозяйственность штаба привели к тому, что 26 орудий (плюс 3

---

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году". К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия", стр. 116.

не вполне пригодные) с полной упряжью были оставлены противнику без единого выстрела.

23 и 24 декабря в различных концах города началась провокаторская стрельба, организованная белогвардейскими агентами. Ни революционный комитет, ни губвоенком не смогли установить в городе революционный порядок, сжечь оставляемое имущество, вывести все части. Отступление проходило в общей панике и неразберихе. Это было беспорядочное бегство наголову разбитой и совершенно деморализованной армии. Бойцы 254 Камышловского полка, пытавшиеся задержать наступление противника, укрепившись на углу Покровской и Кунгурской улиц, не получили поддержки и были вынуждены отступить.

В ночь с 24 на 25 декабря в Пермь вступили белогвардейцы. Две роты караульного батальона, батальон лыжников, 10 вагонов раненых бойцов, не вывезенных из города, попали в плен к белым и были вырезаны. Члены подпольной контрреволюционной организации пошли на службу в контрразведку. Начался массовый белый террор.

После падения Перми штаб III армии отступил в Глазов. Губернские и областные организации эвакуировались в Вятку.

О потерях материальной части и людей в результате пермской катастрофы товарищи Сталин и Дзержинский сообщали в своем отчете: „По имеющимся данным, потеряли мы: 419 000 куб. саж. дров и 2 388 000 пудов угля, антрацита, торфа; руды и прочего сырья— 66 800 пудов; главных материалов и изделий (чугун

литый, алюминий, олово, цинк и прочее) — 5 000 000 пудов; слитков, болванок и заготовок мартеновских, бессемеровских — 6 000 000 пудов; железа и стали (сортовое, кровельное, проволока, рельсы и прочее) — 8 000 000 пудов; соли поваренной — 4 000 000 пудов; соды каустической, кальцинированной — 255 000 пудов; нефти и керосина — 900 000 пудов; медикаментов — на 5 000 000 рублей; материальные склады Мотовилихинского завода и Пермских железнодорожных мастерских; осевой парк путей сообщения с большими запасами американских осей; склады Рупвода с ватой, мануфактурой, олеонафтом, с гвоздями, телегами и прочее; 65 вагонов кожи; 150 вагонов продовольствия отдела снабжения армии; 297 паровозов (из них больных 86); более трех тысяч вагонов; около 20 000 убитых, взятых в плен и без вести пропавших воинов; 10 вагонов раненых воинов, 37 орудий, 250 пулеметов, более 20 000 винтовок, более 10 000 000 патронов; более 10 000 снарядов.

Мы не считаем всей сети потерянной железной дороги, ценных сооружений и прочее“ [1].

Сдача Перми, гибель десятков тысяч красных бойцов, оставление противнику ценнейших военных, хозяйственных и продовольственных запасов — явились результатом предательской работы иуды-Троцкого и его приспешников — С. Каменева, Смилги, Лашевича, Стогова и других. Посылая на фронт ненадежные ре-

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, стр. 145—146.

зервы, в первых же боях изменявшие Советской республике, оставляя наиболее боеспособные части без оружия и куска хлеба, вредительски тормозя действия артиллерии и бронепоездов, сея панику и уныние, они добились того, что противник захватил без боя Пермь с огромными запасами ценного имущества.

ПРИЕЗД ТОВАРИЩЕЙ СТАЛИНА И ДЗЕРЖИНСКОГО НА ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

В связи с разгромом III армии и потерей Перми, положение Советской России катастрофически ухудшилось. Восточный фронт, и в особенности его Пермский участок, превратился к началу 1919 г. в наиболее опасное, наиболее страшное для революции место. Сюда был направлен основной удар колчаковской армии. Колчак намеревался захватить Вятку и использовать железнодорожную ветку Вятка — Котлас для соединения с англичанами, чтобы совместными усилиями сломить сопротивление Красной Армии и прорваться к Москве.

Стратегическое значение города Вятки и Вятской губернии было огромным. Кроме железнодорожного узла, связывавшего Вятку с севером, здесь находились значительные запасы хлеба, мехов и кожи. Отсюда открывался путь на Петроград, к которому с запада рвался Юденич. Ленин даже в июне 1919 г., когда Колчак направил уже свой основной удар в южном направлении, предупреждал: „Считаю величайшей опасностью возможное движение Колчака на Вятку для

Приезд товарищей Сталина и Дзержинского на Восточный фронт.

Барельеф бригады кировских художников под руководством А. В. Винокуровой.

прорыва к Питеру"[1]. Тем более угрожающей была эта опасность в конце декабря 1918 г. и в начале января 1919 г., когда главные колчаковские силы двигались в вятском направлении.

Вредительская работа эсеров и меньшевиков в тылу Красной Армии и кулацкая контрреволюция облегчали наступление белогвардейцам.

Из города Глазова, куда отступил штаб III армии, было видно зарево пожаров, слышалась непрерывная орудийная канонада. Враг остервенело рвался к Вятке. Он находился уже в 30 километрах от Глазова.

В этот грозный час Ленин решил послать на Восточный фронт товарища Сталина. Он телеграфировал в Реввоенсовет республики: „Есть ряд партийных сообщений из-под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве. Я думал послать Сталина — боюсь, что Смилга будет мягок к..., который тоже, говорят, пьет, и не в состоянии восстановить порядок"[2].

Недоверие Владимира Ильича к Смилге и к руководству III армии было вполне основательным. Мы уже показали это на примере сдачи Перми и дополним в дальнейшем рядом других фактов.

По предложению Ленина, ЦК партии принял решение: „Назначить партийно-следственную комиссию в составе членов ЦК Дзержинского и Сталина для подробного расследования причин сдачи Перми, последних поражений на уральском фронте, равно выяснения всех обстоятельств, сопровождающих указанные

[1] Ленинский сборник, XXIV, стр. 12.

[2] К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия", стр. 33.

явления. ЦК предоставляет комиссии принимать все необходимые меры к скорейшему восстановлению как партийной, так и советской работы во всем районе III и II армий"[1].

1 января 1919 г. тов. Свердлов сообщил решение ЦК РКП(б) в Глазов и Вятку[2].

Товарищ Сталин к этому времени имел уже богатый опыт непосредственно военной работы. Героическая защита Царицына создала ему неувядаемую славу талантливого пролетарского полководца.

Гигантская работа, проделанная товарищем Сталиным в Царицыне, заложила основу для разгрома Колчака.

После безуспешной попытки соединиться с генералом Красновым у Царицына остатки белогвардейцев, отброшенные от Волги на восток, влились в армию Колчака, направившего основной удар на Вятку для соединения с англичанами. Но, как мы увидим ниже, и из этой попытки ничего не вышло. Стремясь прорваться к Москве, Колчак метался с одного фланга на другой, но всюду встречал сокрушительный отпор Красной Армии, воодушевленной личным присутствием на фронтах гениального стратега революции Сталина.

Товарищи Сталин и Дзержинский и раньше были знакомы с Вятской губернией. Они знали ее как место суровой ссылки лучших представителей рабочего класса.

Летом 1898 г. в Вятскую губернию был сослан на

---

[1] К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия", стр. 33.

[2] Текст телеграммы тов. Свердлова опубликован в журнале „Пролетарская революция" № 2, 1939 г., стр. 191.

три года двадцатилетний Феликс Дзержинский. Вначале губернатор отправил его на жительство в сонный уездный городишко Нолинск. Пламенный, благородный юноша быстро завоевал авторитет у жителей городка и в особенности у рабочих табачной фабрики.

Однажды через Нолинск проходила в Сибирь партия политических ссыльных. Дзержинский быстро организовал им помощь продовольствием и деньгами. Поведение ссыльного вызвало тревогу у полиции, и в декабре, за „крайнюю неблагонадежность в политическом отношении" и влияние „на некоторых лиц, бывших доныне благонадежными"[1], Феликс Эдмундович был переведен из Нолинска в далекое, глухое село Кай (северо-восток Вятской губернии).

Мрачная царская ссылка не ослабила энергии славного революционера. В письме к сестре из Нолинска Феликс Эдмундович писал:

„Ты знала меня ребенком, подростком, но теперь, как мне кажется, я уже могу назвать себя взрослым с установившимися взглядами человеком, и жизнь может меня лишь уничтожить, подобно тому, как буря валит столетние дубы, но никогда не изменит меня. Я не могу ни изменить себя, ни измениться. Мне уже невозможно вернуться назад. Условия жизни дали мне такое направление, что течение, которое меня захватило, для того только выкинуло меня на некоторое время на безлюдный берег, чтобы затем с но-

---

[1] Исторический архив Кировской области, фонд особого хранения, дело № 177, за 1898 г.

вой силой захватить меня и нести с собой все далее и далее, пока я до конца не изношусь в борьбе..."[1].

Революционные битвы с ненавистным помещичье-буржуазным строем, калечившим и уродовавшим миллионы человеческих жизней, влекли великого гуманиста Дзержинского. В августе 1899 г. он бежал из Кайской ссылки. Утлая лодченка несла его по неизведанной Каме. Густой лес, покрывавший оба берега реки, тревожно шумел, точно удивляясь безграничной отваге одинокого смельчака.

Спустя 10 лет после побега Дзержинского, 4 февраля 1909 г., жандармы привезли в Вятку Иосифа Виссарионовича Сталина. Его направляли в Сольвычегодск, и Вятка была одним из пересыльных пунктов тяжелого пути. После четырехдневного пребывания в темной и сырой вятской тюрьме товарищ Сталин заболел возвратным тифом. Из тюремной камеры Иосифа Виссарионовича под конвоем перевели 8 февраля в губернскую земскую больницу. Первый этаж здания губернской больницы предназначался для арестантов. Длинный коридор был перегорожен железной решеткой с узенькой дверью. В окнах также были крепкие решетки. День и ночь за больными зорко наблюдал вооруженный жандарм.

Двенадцать дней пролежал товарищ Сталин в вятской больнице. 24 февраля его, еще не оправившегося от тяжелой болезни, выслали по этапу через Котлас в Сольвычегодск...

---

[1] „Правда" № 251 от 11 сентября 1937 г.

И вот, в начале 1919 г., товарищи Сталин и Дзержинский вновь посетили знакомые места. Но теперь они явились сюда как посланцы могучей большевистской партии, чтобы организовать разгром Колчака, который нес с собой восстановление капитализма, муки бесправия, ссылку и виселицы рабочим и крестьянам.

Партийно-следственная комиссия, или, как ее называли, комиссия Совета Обороны, прибыла в Вятку в первых числах января 1919 г. Вагон, в котором прибыли товарищи Сталин и Дзержинский, остановился на запасном пути ст. Вятка I.

Вятский железнодорожный узел был забит многочисленными эшелонами с беженцами и эвакуированным имуществом. Занесенные снегом составы, неразбериха и сумятица на станции мешали быстрой переброске войск, оружия и продовольствия для армии.

Город жил напряженной и взволнованной жизнью. Ходили слухи о скором падении Вятки. Контрреволюционная нечисть, воодушевленная приближением колчаковской армии, разбрасывала по городу белогвардейские листовки и готовилась к встрече „верховного правителя". Она не предполагала, что в Вятку приедет вождь революции, человек непреклонной воли, не знающий поражений, и разрушит все белогвардейские планы.

Чрезвычайно быстро, буквально в несколько дней, товарищи Сталин и Дзержинский детально ознакомились со сложной обстановкой на Восточном фронте.

Характерной чертой товарища Сталина является

способность исключительно правильно и трезво оценивать обстановку, умение при самой сложной и запутанной ситуации находить основное звено, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь. В рассматриваемый нами момент таким основным звеном являлось спасение армии. Нужно было сохранить армию, ликвидировать деморализацию, охватившую ее части. Нужно было во что бы то ни стало остановить наступление противника, чтобы, оздоровив обстановку в тылу, начать контрнаступление. С этого и начали свою работу товарищи Сталин и Дзержинский, вложив в нее всю свою неутомимую энергию и большевистскую страстность.

РАБОТА КОМИССИИ СОВЕТА ОБОРОНЫ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ФРОНТА

5 января товарищ Сталин вызвал к себе командующего Восточным фронтом и одного из членов Реввоенсовета фронта для объяснений по поводу последних событий. Выяснив, что даже после падения Перми должная координация военных действий между III и II армиями отсутствовала, что между этими армиями имелась только конная связь, товарищ Сталин признал это недостаточным и предложил принять срочные меры для ликвидации разрыва. Вместе с этим командованию Восточного фронта были даны соответствующие указания по укреплению фронта III армии.

Вечером 5 января товарищи Сталин и Дзержинский отправили Ленину следующее письмо: „Расследование начато. О ходе расследования будем сооб-

щать попутно. Пока считаем нужным заявить Вам об одной, нетерпящей отлагательства, нужде III армии. Дело в том, что от III армии (более 30 тысяч ч.) осталось лишь около 11 тысяч усталых, истрепанных солдат, еле сдерживающих напор противника. Присланные Главкомом части ненадежны, частью даже враждебны к нам и нуждаются в серьезной фильтровке. Для спасения остатков III армии и предотвращения быстрого продвижения противника до Вятки (по всем данным, полученным от командного состава фронта и III армии, эта опасность совершенно реальна) абсолютно необходимо срочно перекинуть из России в распоряжение командарма по крайней мере 3 совершенно надежных полка. Настоятельно просим сделать в этом направлении нажим на соответствующие военучреждения. Повторяем: без такой меры Вятке угрожает участь Перми, таково общее мнение причастных к делу товарищей, к которому мы присоединяемся на основании всех имеющихся у нас данных.

Сталин.

Ф. Дзержинский.

5/1 1919. Вятка
8 часов вечера"[1].

В Вятке товарищи Сталин и Дзержинский ознакомились с батальоном при губернской Чрезвычайной комиссии. Этот батальон представлял значительную силу, но мало использовался. Настроение в нем было боевое. В одной из своих резолюций красноармейцы

---

[1] Музей Ленина. Опубликовано в книге: К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия", Воениздат, 1937 г., стр. 34—35.

№ 6

Председателю Совета Обороны
тов. Ленину.

Расследование начато. О ходе расследования будем сообщать попутно. Пока считаем нужным заявить Вам об одной, не терпящей отлагательства, нужде III-ей армии. Дело в том, что от III-ей армии (более 30 тысяч) осталось лишь около 11 тысяч усталых, истрепанных солдат, еле сдерживающих напор противника. Присланные главкомом части ненадежны, частью даже враждебны к нам и нуждаются в серьезной фильтровке. Для спасения остатков III-ей армии и предупреждения быстрого продвижения противника до Вятки (по всем данным, полученным от командного состава фронта и III-ей армии, эта опасность совершенно реальна) абсолютно необходимо срочно перекинуть из России в распоряжение командарма по крайней мере 3 совершенно надежных полка. Настоятельно просим сделать в этом направлении нажим на соответствующие военучреждения. Повторяем: без такой меры Вятке угрожает участь Перми, таково общее мнение причастных к делу товарищей, к которому мы присоединяемся на основании всех имеющихся у нас данных.

Сталин

Ф. Дзержинский

5/I 1919. Вятка
8 часов вечера

Письмо товарищей Сталина и Дзержинского Ленину о начале расследования.

батальона ЧК писали: „Мы все, как один, готовы в любой момент выступить на защиту нашей пролетарской революции и на защиту своих интересов, завоеванных в Октябре. Мы все, как один, готовы пойти на фронт против наших угнетателей — капиталистов всего мира...“ Вскоре они доказали это в боях под ст. Верещагино.

6 января, в 20 часов, товарищ Сталин вызвал к прямому проводу командующего III армией и попросил коротко сообщить о положении на фронте.

К этому времени позиции III армии продолжали оставаться растянутыми. Левый фланг ее, простираясь на север к Усть-Сысольску, продолжал оставаться открытым для обхода. Правый фланг армии доходил до гор. Осы. В 30 с лишним верстах севернее Осы был стык III и II армий. Пользуясь растянутостью фронта, противник вел усиленное наступление на этом участке. Выслушав сообщение командарма III, товарищ Сталин сообщил ему о принятых комиссией мерах для координации действий между III и II армиями, а также о посылке письма Ленину. Товарищ Сталин выразил глубокую уверенность, что Ленин примет срочные меры.

И действительно, получив письмо товарищей Сталина и Дзержинского от 5 января, Владимир Ильич 8 января, вместе с товарищем Свердловым, присоединил свою подпись к требованию Сталина и Дзержинского и передал его „Как требование ЦК, на исполнение военных властей“ [1].

[1] Фотокопия письма находится в музее Ленина, зал XI.

В ночь с 6 на 7 января партийно-следственная комиссия выехала в Глазов, в штаб III армии. Здесь товарищи Сталин и Дзержинский лично ознакомились с 3-й бригадой 7-й дивизии, присланной Главкомом для укрепления фронта. Это знакомство еще раз показало комиссии, что формирование армии проводилось несоветскими методами. В 3-й бригаде явно чувствовалось контрреволюционное настроение, слышались угрозы „сдать Вятку“ и прочее. В бригаде орудовала сплоченная группа кулацких элементов. В боевом отношении бригада была не подготовлена, многие бойцы не умели даже стрелять, а командиры не знали своих частей. Политическая работа почти отсутствовала. В таком виде эти три полка ни в коем случае нельзя было посылать в бой.

Основываясь на конкретных фактах, товарищ Сталин разоблачал вредительскую тактику Троцкого в вопросах комплектования армии. Вместе с Дзержинским он писал в своем отчете Ленину: „Всероглавштаб целиком перенял систему формирования периода царизма, привлекая к красноармейской службе всех мобилизованных без различия имущественного положения, причем пункты об имущественном положении мобилизованных, имеющиеся в „личной карточке“ Всероссийской коллегии формирования, оказались исключенными из „личной и учетной карточек“, составленных Всероглавштабом... Правда, 12 июля 18 года последовал первый декрет Совнаркома о мобилизации рабочих и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда, но он не получил, очевидно, ни в

практике Всероглавштаба, ни в его распоряжениях, ни в „личной и учетной карточке" отражения. Этим главным образом и объясняется, что в результате работ наших формировочных учреждений получилась не столько Красная, сколько „народная армия"[1].

Одновременно комиссия Совета Обороны приступила к оздоровлению третьей бригады.

Но фронт требовал немедленного укрепления. Поэтому товарищи Сталин и Дзержинский 7 января, в 19 часов, посылают в Вятку Предписание № 39 „Вятской Чрезвычайной Комиссии и Начальнику Вятского батальона Красных Войск ВЧК.

Предписывается Вам без промедления, в полной боевой готовности, погрузить и отправить в Глазов, в распоряжение Командующего III армии, Вятский батальон красных войск ВЧК. О дне и часе получения сего и об исполнении донести телеграфно.

Член Совета Обороны *Сталин.*

Председатель Всероссийской Чрезвычайной
Комиссии *Ф. Дзержинский.*

Глазов, 7 января 1919 г.—19 часов"[2].

---

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году". К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия", стр. 124—125.

[2] Кировский партархив, фонд Белохолуницкой парторганизации, дело № 3, лл. 5—6, 1919 г. Опубл. в газете „Горьковская коммуна" от 18 декабря 1934 г.

В это время пришли тревожные известия от 29-й дивизии. Ввиду оттяжки сил 30-й дивизии на правый фланг, между 29-й и 30-й дивизиями образовался разрыв. Противник повел усиленное наступление на правый фланг 29-й дивизии, угрожая станции Верещагино. Части 2-й бригады 29-й дивизии под сильным напором противника отошли на с. Шердинское (в 12 верстах к северо-западу от Нытвинского завода), а частью на с. Ерши (еще северо-западнее, на реке Срелья). Этими событиями, повидимому, и объясняется вторая срочная телеграмма товарищей Сталина и Дзержинского, посланная того же 7 января в 21 час 16 минут начальнику батальона ЧК. Во второй телеграмме товарищи Сталин и Дзержинский сообщают, что ими послан специальный человек в батальон для передачи срочного поручения, и подчеркивают необходимость „привести батальон в боевую готовность обозом".

Распоряжение комиссии было выполнено, и батальон ЧК направлен на укрепление 2-й бригады, прикрывавшей подступы к ст. Верещагино. Туда же был переброшен из села Вознесенского Леоновско-Выборгский полк.

Чем больше комиссия знакомилась с обстановкой на фронте, тем больше убеждалась, что Реввоенсовета армии фактически не существует, что штаб оторван от своего боевого участка, не имеет своих представителей в частях и не знает поэтому действительного положения на фронте. Даже внутри армии не было централизации. Штаб армии никак не мог укрепить пункты стыка между боевыми единицами и вечно во-

пил о их слабости. Политическая работа в частях проводилась очень слабо. Многие комиссары были, по выражению товарища Сталина, мальчишками, совершенно неспособными к постановке сколько-нибудь серьезной политической работы. В первые же дни расследования товарищи Сталин и Дзержинский пришли к выводу, что „без серьезных перемен не обойдется“ [1].

Работы по оздоровлению фронта и тыла оказалось больше, чем можно было предполагать. Поэтому первоначальное предположение комиссии—пробыть на Восточном фронте, примерно, до середины января—изменилось, и она пробыла там до конца января.

13 января товарищи Сталин и Дзержинский послали краткий предварительный отчет о причинах катастрофы, которые по словам товарища Ворошилова сводились в основном к следующему: „...усталость и измотанность армии к моменту наступления противника, отсутствие у нас резервов к этому моменту, оторванность штаба от армии, бесхозяйственность командарма, недопустимо преступный способ управления фронтом со стороны Реввоенсовета Республики, парализовавшего фронт своими противоречивыми директивами и отнявшего у фронта всякую возможность притти на скорую помощь III армии, ненадежность присланных из тыла подкреплений, объясняемая старыми способами комплектования, абсолютная непроч-

[1] Телеграмма товарищей Сталина и Дзержинского Ленину от 11 января 1919 г. опубликована в сборнике „К двадцатилетию освобождения Удмуртии от колчаковщины“, Ижевск, 1939 г., стр. 17

РОССІЙСКАЯ
Федеративная
Социалистическая
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.

14 № I 1919 г.

Глазов и по шифру
как ордена

Сталину Дзержинскому.

Получил и прочел первую шифрованную депешу очень прошу вас обоих лично руководить исполнением намеченных мер на месте ибо иначе нет гарантии успеха Ленин

Телеграмма В. И. Ленина товарищам Сталину и Дзержинскому.

ность тыла, объясняемая полной беспомощностью и неспособностью советских и партийных организаций"[1].

В ответ на сообщение комиссии Ленин телеграфировал 14 января: „Получил и прочел первую шифрованную депешу. Очень прошу Вас обоих лично руководить исполнением намеченных мер на местах, ибо иначе нет гарантии успеха".

Ленин был уверен в том, что там, где находится Сталин, где он лично руководит делом—успех будет обеспечен.

Проведя тщательную фильтровку частей, влив в них коммунистов, товарищи Сталин и Дзержинский помимо батальона ЧК направили на фронт к 15 января 1 200 надежных бойцов, 17 января два эскадрона кавалерии, 20 января 62-й полк 3-й бригады[2]. После работы, проведенной комиссией Совета Обороны (изгнание ненадежных, усиление коммунистической прослойки, перестройка политической работы), эти части стали неузнаваемыми. Коммунисты, влитые в отряды в качестве рядовых бойцов, воодушевляли остальную массу. Недаром даже колчаковская газета „Военные ведомости" отмечала, что „...важным шагом в деле усиления боеспособности Красной Армии необходимо считать мобилизацию партийных работников-коммунис-

---

[1] К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия", стр. 35.

[2] В брошюре А. Гуковского „Ликвидация пермской катастрофы" говорится о посылке на фронт только 1 200 надежных бойцов (стр. 33). Так как данные Гуковского не полны, они дают неправильное представление о мерах, принятых для укрепления фронта.

тов... последние довольно быстро меняют настроение солдатских масс"[1].

Враги чувствовали силу коммунистической партии, организующей победы Красной Армии, и боялись этой могучей силы. Они понимали, что армия, руководимая партией большевиков, несет им полный разгром.

Укрепив центральный участок фронта, товарищи Сталин и Дзержинский обратили серьезное внимание на левый фланг III армии. Огромный район от Слободского до Кайгорода, кишевший дезертирами и плохо защищенный, представлял благоприятный участок для обхода Красной Армии с севера. Противник и пытался это сделать, угрожая со стороны Чердыни и Соликамска силами одной дивизии флангу нашей армии. Где-то на Печоре белогвардейцы поставили радио, с помощью которого вели переговоры с Архангельском. Белое командование рассчитывало обходным путем соединиться с английскими войсками, ударить с севера на Котельнич, и, отрезав таким образом Вятку от центра, захватить и этот советский район, преграждавший путь на Москву.

Однако товарищи Сталин и Дзержинский своевременно разгадали этот хитрый маневр. Пробыв в Глазове около 10 дней, они выехали в Вятку. Здесь по их инициативе к 20 января был сформирован Северный экспедиционный отряд лыжников. Отряд получил от комиссии указание двигаться по маршруту Слободской — Кайгород — Усолье для прикрытия ле-

[1] ЦАОР, газета „Военные ведомости" № 5 от 26 ноября 1918 г.

вого фланга 29-й дивизии и защиты северного района от вторжения врага. Срок выступления был назначен на 24 января.

Вечером 20 января, в разговоре по прямому проводу с командармом III, товарищ Сталин сообщил, что в Вятке сформирован специальный батальон под названием „Северный Экспедиционный отряд лыжников", в составе 400—500 бойцов. Отряд передавался на иждивение III армии, ибо его конечная задача заключалась в слиянии с 29-й дивизией. Ввиду того, что отряду требовались скорострельные орудия, имевшиеся на складах III армии, товарищ Сталин предложил командованию армии выдать их лыжному отряду.

Скорострельные орудия имелись в гор. Котельниче, но руководители III армии задерживали выдачу их экспедиционному отряду лыжников. Только после того, как товарищи Сталин и Дзержинский вновь приехали в Глазов[1] и взяли под контроль выполнение своего распоряжения — орудия были переданы отряду. Однако и после этого лыжный отряд не выступил в путь. Руководители окрвоенкомата искусственно задерживали его в Вятке. Несмотря на прямые указания товарищей Сталина и Дзержинского о направлении лыжного отряда на север губернии, они решили передать его в распоряжение VI армии. Не разбираясь в создавшейся обстановке, работники окрвоенкомата затеяли

---

[1] Товарищи Сталин и Дзержинский вторично выехали в Глазов 21 января, в 20 часов, после создания в Вятке Военно-революционного комитета. Об этом см. ниже. П. С.

вредную дискуссию о том, имеет ли право комиссия Совета Обороны распоряжаться сформированными частями и перебрасывать их по своему усмотрению. Когда об этой вредной волоките, грозившей сорвать важнейшее оборонное мероприятие, узнали товарищи Сталин и Дзержинский, они дали категорическое распоряжение направить отряд по указанному ими маршруту. 22 января из штаба армии сообщили в Экспедиционный лыжный отряд: „Дзержинский и Сталин заявили, что батальон останется за нами, об этом посланы телеграммы Командарму 6, Главкому и Ленину“[1].

Северный экспедиционный лыжный отряд выступил из Вятки через гор. Слободской на Кайгород 28 января. К этому времени он насчитывал в своих рядах около тысячи бойцов, из которых 200 были коммунистами. Отряд имел при себе 6 пулеметов, 4 бомбомета и два 37-миллиметровых орудия.

Создание перелома на фронте, укрепление в рядах армии дисциплины и боевой отваги было немыслимо без интенсивной политической работы среди красноармейцев. Товарищ Сталин был глубоко уверен в том, что боец, не знающий за что он борется, чьи интересы и власть он защищает, в конечном счете будет плохим бойцом, механически выполняющим волю начальства. Наоборот, тот, кто ясно видит свою цель, тот, кто знает, что он защищает свою родину, борется за свою свободу, за счастье своего народа — тот сознательно будет итти в бой и не отступит перед

---

[1] ЦАКА, фонд 176, опись 5, дело 198, лл. 407--408.

врагом. Следовательно, политическая агитация и пропаганда в армии должны всегда стоять на высоком идейном уровне. Марксистский принцип об огромной роли социалистического сознания в революционном движении товарищ Сталин конкретно воплощал в жизнь на фронтах гражданской войны. Эту сторону деятельности замечательного стратега революции отмечали и наши враги. Генерал Носович, ставленник Троцкого в Царицыне, перебежавший впоследствии к белым, писал в своих воспоминаниях: „Сталин крепко надеялся на агитацию, он частенько поговаривал в спорах о военном искусстве: это все хорошо, что все говорят о необходимости военного искусства, но если у самого талантливого полководца в мире не будет сознательного и подготовленного правильной агитацией солдата, то, поверьте, он ничего не сможет сделать с самым ничтожным по количеству, но воодушевленным революционером. И Сталин, сообразно своему убеждению, не жалел средств на пропаганду, на издание газет, на их распространение, на посылку агитаторов и т. д.“ [1].

Этот принцип неуклонно проводился и в Вятке.

Товарищи Сталин и Дзержинский дали указание о перестройке всей политической работы на Восточном фронте. Усиление частей за счет коммунистов, замена негодных комиссаров опытными партийными работниками имели огромное значение в повышении боеспо-

---

[1] „Пролетарская революция“ № 7, 1936 г. „Приезд товарища Сталина в Царицын“, стр. 78.

собности III армии. Но товарищи Сталин и Дзержинский не ограничились этим. Они решительно поставили вопрос об обновлении состава „...Всероссийского Бюро Комиссаров, снабжающего воинские части мальчишками-„комиссарами“, совершенно неспособными к постановке сколько-нибудь удовлетворительной политической работы“ [1].

Много заботы и внимания товарищи Сталин и Дзержинский уделили вопросу снабжения армии. Они знали, что означает хорошее питание и теплая одежда для бойцов. В течение нескольких дней после приезда комиссии Совета Обороны на Восточный фронт III армия, до этого сражавшаяся полуголодной, получила продовольствие в достаточном количестве. Товарищ Сталин ежедневно запрашивал отдел снабжения армии о состоянии этого дела [2]. Как-то он обещал Командарму III поговорить о необходимых армии вещах, находившихся в вятских складах, и действительно он перерыл все склады (в том числе и „склады на колесах“), отправив в III армию теплую обувь, кухонные принадлежности и т. п.

16 января товарищи Сталин и Дзержинский отправили Ленину следующую телеграмму: „По проверенным данным на складах Вятского Губпродкома имеется 30 000 пудов мороженого мяса. Имея в виду тяже-

---

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, стр. 128.

[2] См. об этом в воспоминаниях быв. бойцов III армии, опубликованных в газете „Звезда“, гор. Пермь, 30 июня 1939 г.

лое состояние армии, питающейся одним хлебом при 35-градусном морозе, просим распоряжения Вятскому Губпродкому срочно предоставить Управлению снабжения III армии десять тысяч пудов"[1].

Когда Наркомпрод, не считаясь с потерей Пермской губернии, упорно не переводил своих нарядов для III армии из Пермской на Вятскую губернию, комиссия Совета Обороны телеграфировала об этом 23 января Ленину, а 31 января повторила свое требование в отчетном докладе Ленину, добившись перевода продовольственных нарядов на Вятскую губернию.

Руководители III армии встретили партийно-следственную комиссию со скрытой враждебностью. По словам этих приспешников иуды-Троцкого, пермская катастрофа была полной неожиданностью. Расследование причин сдачи Перми Лашевич называл „писанием сказаний", которое якобы отрывает их от „обычной работы". Пытаясь обмануть партию и представить события в розовом свете, иудушки покрывали предателей и шпионов. Когда товарищи Сталин и Дзержинский арестовали некоторых изменников, Лашевич послал апелляцию в Реввоенсовет фронта. Апелляция, впрочем, не имела успеха, и предатели понесли заслуженную суровую кару.

Знаая, что ЦК партии и лично В. И. Ленин дали комиссии неограниченные полномочия, ставленники Троцкого в III армии и в Реввоенсовете Восточного

---

[1] Сборник „К двадцатилетию освобождения Удмуртии от колчаковщины". Ижевск, 1939 г., стр. 18.

фронта не смели открыто выступать против мероприятий, проводимых комиссией Совета Обороны, и вредили исподтишка. Разговаривая между собой, они признали, что „временно придется считаться с этим, как с фактом“.

Таким образом, укрепление Восточного фронта проводилось комиссией Совета Обороны вопреки воле и желаниям ставленников Троцкого, путем решительной ломки сопротивления и саботажа троцкистов.

РАБОТА КОМИССИИ СОВЕТА ОБОРОНЫ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ТЫЛА

Одновременно с укреплением фронта товарищи Сталин и Дзержинский проводили огромную работу и по укреплению тыла. В первую очередь необходимо было обуздать кулачество и дезертиров, создать в городе и деревне крепкие революционные органы, ликвидировать извращения, допущенные местными советскими и партийными организациями, разгрузить железнодорожный узел.

По предложению товарищей Сталина и Дзержинского, было решено создать комендатуры в Кайгороде, Кирсинском заводе, гор. Слободском и других пунктах трактовых дорог. На комендатуры возлагалась задача борьбы с дезертирством и контрреволюционными выступлениями кулаков. Организацией комендатур должен был заниматься Чрезвычайный батальон, сформированный из коммунистов Вятки, Слободского и других пунктов, по мандату, выданному товарищами Сталиным и Дзержинским.

Большую помощь в работе батальону оказали коммунисты партийной организации, созданной в январе 1919 г. на Кирсинском заводе. К 23 января батальон ЧК насчитывал в своих рядах 200 бойцов. Комендатуры были созданы в Слободском, Кайгороде, Кирсинском и Песковском заводах. К 18 февраля в батальоне уже насчитывалось 282 человека, 7 пулеметов, имелся отряд конницы и другие специальные команды. Район действия батальона значительно расширился Началась решительная борьба с дезертирами и кулацкой контрреволюцией. Эти отряды, созданные по указанию товарищей Сталина и Дзержинского, с первых же шагов своей работы дали должные результаты.

19 января 1919 г. товарищи Сталин и Дзержинский созвали в Вятке совещание представителей от Народного Комиссариата путей сообщения, отдела военных сообщений штаба III армии, Уральского областного Совета, Уральского и Северного округов путей сообщения для разрешения вопроса о разгрузке вятского узла. На этом совещании была выделена особая комиссия для проведения усиленной работы по разгрузке станции.

На решении совещания члены Комиссии Совета Обороны наложили следующую резолюцию: „Постановление объединенного заседания от 19 января 1919 г. о разгрузке вятского узла комиссия Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Республики подтверждает.

И. Сталин. Ф. Дзержинский

гор. Вятка, 19 января 1919 г.“ [1]

[1] „Известия Вятского губисполкома“ от 25 января 1919 г.

Товарищ Сталин придавал исключительно серьезное значение этому мероприятию. 20 января он лично сообщил руководителям III армии о решении совещания, подчеркнув, что отправляемые с востока грузы не могут быть оставляемы в Вятке и будут отправляться на запад. Этим самым товарищ Сталин предупреждал руководство армии, что загрузка железнодорожного узла, практиковавшаяся до сих пор и мешавшая оперативным действиям войск, отныне запрещается.

В тот же день, то есть 19 января, товарищи Сталин и Дзержинский созвали объединенное заседание Уральского областного Совета, обкома РКП(б), Вятского губисполкома, губкома РКП(б), городского Совета и городского комитета партии, на котором поставили вопрос об организации Военно-революционного комитета.

Создание авторитетного органа власти, которому подчинялись бы все губернские учреждения, диктовалось сложным, прифронтовым положением губернии. Советские учреждения Вятки были засорены чуждыми людьми. Товарищи Сталин и Дзержинский установили, что „...из 4 766 работников и сотрудников советских учреждений г. Вятки 4 567 человек занимали те же места при царизме... т. е., попросту говоря, старые царские, земские учреждения были просто переименованы в советские...“ [1]. Ясно, что в создавшейся обстановке орга-

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, стр. 137.

низация Военно-революционного комитета была крайне необходима. С этой целью и было созвано совещание 19 января[1].

Товарищ Дзержинский в своей краткой речи на этом совещании сказал: „Наше положение ясно. Мы должны обеспечить себе силы, должны суметь двинуть, куда это необходимо. Нужен централизованный, созданный заблаговременно, из небольшого числа товарищей, аппарат. Необходимо создание твердой единицы, как органа борьбы; такой единицей должен стать Военно-революционный комитет.

Во главе должны стать решительные товарищи. Существующие органы должны добровольно подчиниться и в течение одной недели мы можем значительно изменить положение".

Четкий план работы дал в своем выступлении товарищ Сталин: „Говоря об общем положении, нужно сказать, что некоторая устойчивость фронта на ближайшее время обеспечена и именно теперь необходимо создание Военно-революционного комитета. Если противник подвинется вперед, то к нему придут на помощь восстания внутри, бороться успешно с которыми может лишь узкая, подвижная организация, какой и должен быть Военно-революционный комитет.

---

[1] Мы имеем в своем распоряжении не стенографическую, а только протокольную запись, которая, конечно, не дает полной картины заседания. Тем не менее, мы считаем необходимым полностью привести протокольные записи выступлений товарищей Сталина и Дзержинского, т. к. они являются по существу единственным источником по этому вопросу. П. С.

Необходима теперь же организация нового центра, куда войдут представители:

1) От губернского исполкома,
2) „ областного Совета,
3) „ губернского комитета партии,
4) „ Чрезвычайной комиссии,
5) „ окружного военного комиссариата.

В руках Военно-революционного комитета должны быть сосредоточены все силы, все средства, но текущая работа советских органов должна быть не прекращена, а усилена.

По примеру центра, такие же органы должны быть созданы в уездах.

С помощью такой сети революционных комитетов будет осуществлена связь с местами. И только таким путем мы будем готовы к новому наступлению".

Товарищ Сталин сформулировал свое предложение: „В целях укрепления и обеспечения тыла и объединения деятельности всех советских и партийных организаций Вятской губернии создается Военно-революционный комитет, решениям которого, как высшего органа Советской власти, подчиняются упомянутые учреждения и организации".

Предложение товарища Сталина принимается единогласно. По вопросу о принципе строения Военно-революционного комитета товарищ Сталин предложил: „Образовать Военно-революционный комитет по принципу представительства различных организаций, чтобы тем самым была исключена возможность тре-

ний между организациями и достигнута необходимая согласованность"[1].

Некоторые местные работники не поняли всей глубины предложения товарища Сталина и попытались настаивать на персональном выборе. Нет надобности говорить о том, что подобное решение вопроса повлекло бы за собой трения и разногласия в текущей работе, принесло бы огромный вред делу. Большинством голосов было принято предложение товарища Сталина.

Военно-революционный комитет был организован из пяти лиц. Помещался он в доме № 87 по улице Ленина.

Об этом мероприятии товарищ Сталин 19 января сообщил Ленину особой телеграммой.

Вскоре были созданы Военно-революционные комитеты и в уездах.

Вятскому Ревкому товарищ Сталин дал указание немедленно приступить к ликвидации извращений в сборе чрезвычайного налога, перестроить коренным образом работу в деревне на основе классового дифференцированного подхода к населению.

В соответствии с этим указанием первое же заседание Военно-революционного комитета, состоявшееся 20 ян-

---

[1] Архив Октябрьской революции Кировской области, фонд Военно-революционного комитета, дело 42, лл. 1—2. Приводимые документы частично были опубликованы в газете „Горьковская коммуна" 18 декабря 1934 г., частично в моей статье „Сталин и Дзержинский в Вятке", в кировской областной газете „Комсомольское племя" за 20 января 1939 г.

Дом в гор. Кирове, в котором 19 января 1919 г. товарищи Сталин и Дзержинский провели совещание вятских губернских организаций по созданию Военно-революционного комитета.

варя, было посвящено вопросу о чрезвычайном налоге. Ревком постановил отсрочить сбор чрезвычайного налога до 1 марта и срочно произвести тщательную проверку раскладки налога среди населения[1]. В тот же день было выпущено воззвание к крестьянам Вятской губернии о чрезвычайном налоге. В основу воззвания легли указания товарища Сталина.

Наряду с созданием Военно-революционного комитета, партийно-следственная комиссия предприняла ликвидацию целого ряда учреждений. В связи с эвакуацией пермских губернских и уральских областных учреждений в Вятку, здесь скопились десятки организаций, функции которых переплетались, создавая невообразимую путаницу. Оставлять такое положение дальше было нельзя.

ЦК партии и ВЦИК еще в начале января обсуждали вопрос о целесообразности дальнейшего существования уральских областных организаций. Но прежде чем вынести решение о их ликвидации, Ленин и Свердлов решили запросить мнение товарища Сталина по этому вопросу. 11 января тов. Свердлов телеграфировал в Вятку: „Прошу сообщить ваше мнение о роспуске Обласовета Урала, Облакомпарта. Считаем необходимым возможно скорее их ликвидировать. До вашего ответа никаких решений не принимаем. Полагаем целесообразным распустить Пермский губисполком, дела, все суммы передав на хранение Вятскому Исполкому, поручив обслуживание оставшихся уездов Пермской

[1] ЦАКА, фонд 176, опись 5, дело 198, лл. 394—399.

губернии Вятке, выдав соответствующую сумму на расходы этим уездам. Прошу сообщить, что сделано пермяками для налаживания нелегальной работы в занятых местах. Прошу сообщить о ходе работ комиссии. Ильич просит передать, чтобы за несколько дней до выезда обратно снестись с ним. Свердлов"[1].

Детально ознакомившись с работой уральских областных и пермских губернских организаций, товарищи Сталин и Дзержинский для пользы дела и быстроты мобилизации работников распустили Уральский обком партии, Уральский областной Совет, Пермский губком партии и Пермский губисполком.

Уральская областная Чрезвычайная Комиссия была слита с Вятской губчека. Как в органах ЧК, так и в остальных учреждениях была проведена чистка аппарата и пополнение его за счет новых партийных работников.

Укрепление тыла шло также и по линии налаживания национальной работы. Известно, что в бывшей Вятской губернии имелся довольно высокий процент национальных меньшинств. Самодержавие жестоко угнетало удмуртов, татар и другие народности края. После Великой Октябрьской социалистической революции буржуазно-националистические элементы пытались использовать народности губернии в своих классовых интересах. И кое-где им удалось обмануть массы своими демагогическими лозунгами. Большую помощь контрреволюционной буржуазии оказали из-

[1] „Пролетарская революция" № 2, 1939 г., стр. 192.

вращения классовой линии в деревне, допущенные местными организациями. Работа по ликвидации извращений в национальных районах должна была проводиться особенно усиленно. После приезда товарищей Сталина и Дзержинского в Вятку, 12 января был создан отдел по делам национальностей при губисполкоме, в составе двух секций — татарской и мари [1].

Секции начали издавать свои газеты и вести агитационную работу. Было проведено несколько съездов и конференций удмуртов, мари и татар.

Колоссальная работа по укреплению революционной законности, ликвидации извращений в крестьянском вопросе, проделанная партийно-следственной комиссией, в огромной степени способствовала созданию перелома в настроении населения Вятской и Пермской губерний. Росло чувство доверия и любви к Советской власти. Беднейшее и среднее крестьянство начало понимать, что только Советы несут ему настоящую свободу. Информационные сводки по уездам за этот период пестрят многочисленными сообщениями о желании трудящихся крестьян беззаветно бороться с белогвардейскими бандами. В Котельниче, с 20 по 22 января, добровольно явилось для отправки на фронт 103 дезертира, 24 января явилось еще 34. Мобилизации стали проходить успешно. К 17 января по Вятской губернии было мобилизовано 53 433 бойца, 8 240 унтер-офицеров и 829 офицеров. Во второй половине января в Вятке были

---

[1] Газета „Жизнь национальностей" № 5 от 16 февраля 1919 г.

сформированы лыжный отряд, караульные роты, батальон 2-й отдельной стрелковой бригады из представителей комбедов, 10-я стрелковая дивизия и одна бригада 5-й стрелковой дивизии [1].

Во многих уездах начали формироваться отряды деревенской бедноты. Крестьяне Талоключинской волости Нолинского уезда, отправляя своих представителей в батальон деревенской бедноты, дали им строгий наказ: „Вы должны стойко защищать Советскую власть от международных хищников, вы должны биться до последней капли крови с международным капиталом, так как победа его несет нам прежний гнет и вечное рабство трудящихся. Поэтому мы, посылая вас, смотрим на вас, как на единственных защитников трудящихся, так как вы только одни знаете наши интересы и нужды, а поэтому за малейшую измену вы будете отвечать перед нами как предатели своих братьев и отцов“ [2].

Непосредственным результатом перелома в настроении населения является продовольственный подарок сарапульских крестьян рабочим Москвы и Петрограда. Съезд комбедов 5 волостей Сарапульского уезда 29 января 1919 г. вынес постановление о посылке хлеба центрам социалистической революции. Председатель съезда сообщил в Москву: „Обсудив и взвесив тяжелое положение страны, в особенности наших центров — очагов революции, Петрограда и

---

[1] ЦАКА, дело 413--446/а, л. 33.

[2] Известия Вятского губисполкома № 28, 1919 г.

Москвы, II съезд комбедов Сарапульского уезда постановил: немедленно провести по всем волостям, по всем деревням из каждого дома пожертвование нашим революционным центрам Петрограду и Москве 80 000 пудов хлеба для немедленного распределения среди голодных масс. Хлеб этот съезд постановил взять с деревень с каждого двора бесплатно, таковой немедленно сдать в ссыпные пункты. Подарок 40 000 пудов Москве съезд постановил самим препроводить и поднести нашему дорогому и любимому вождю товарищу Ленину. Подарки Петрограду в количестве 40 000 пудов препроводить самим"[1].

В начале марта эшелоны с хлебом прибыли в Москву и Петроград. Ленин с восхищением писал об этом: „Это такой замечательный подвиг, который вполне заслуживает совсем особого приветствия"[2]. Ленин видел в этом великую любовь народа к Советской власти, подтверждающую ее непобедимость. Он предложил Каменеву передать материал о подвиге сарапульских крестьян в газету. Но этот политический авантюрист, разоблаченный впоследствии как предатель и шпион, ненавидел советский народ, не ценил его инициативу и замолчал этот факт. Владимир Ильич сам рассказал о подарке крестьян на митинге в народном доме в Петрограде 13 марта 1919 г. Он лично принял делегацию 5 волостей Сарапульского уезда. В беседе с крестьянами Владимир Ильич спросил об отношении населения к Советской власти. Де-

[1] ЦАОР, фонд 393, опись 17, дело 61-а.

[2] Ленинский сборник, XXIV, стр. 119.

легаты ответили: „Да, чехословаки нас научили, и теперь никто не отклонит нас от Советской власти“ [1].

Сдвиги в сознании трудящихся, влияя на укрепление тыла Красной Армии, одновременно расшатывали тыл Колчака. Удмурты, татары, мари чувствовали заботу Советской власти о себе и стремились к братскому союзу с русскими рабочими и крестьянами. „...Если бы мы, — говорил товарищ Сталин на XII съезде партии, — в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так называемых „инородцев“, не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям... если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов“ [2].

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ

Гигантская работа по укреплению фронта и тыла, проделанная товарищами Сталиным и Дзержинским, дала возможность начать планомерное контрнаступление наших частей по всему Восточному фронту.

18 января командир 1-го Сибирского корпуса генерал Пепеляев приказал своим войскам: соединившись 19 января на рассвете, в селе Дворецком, ударить на Павловский и Очерский заводы, захватить их и отрезать части 30-й дивизии, оперирующей у Оханска [3]. Однако

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XXIV, стр. 45.

[2] XII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). Стенографический отчет, 1923 г. стр. 445.

[3] ЦАКА, фонд 176, опись 5, дело 198, л. 345.

красные части, окрепшие в результате работы, проведенной комиссией Совета Обороны, предупредили противника и стремительным ударом выбили белых из Дворецкого, наголову разбив штурмовой батальон 1-го Сибирского корпуса, захватив пленных, канцелярию батальона, одно 48-миллиметровое орудие, много винтовок и пулеметов. Правый фланг 30-й дивизии вышел на восточный берег Камы и занял с. Поль-Лакомка [1].

Операция 19 января имела для III армии большое стратегическое значение. Красные войска не только отбросили противника далеко от Павловского и Очерского заводов, ликвидировали угрозу обхода 30-й дивизии, но и разгромили штурмовой батальон белых. Этим самым был поднят моральный дух частей армии, которые вновь обрели уверенность в победе над врагом.

Проанализировав положение, товарищ Сталин сообщил Ленину 21 января о том, что дела на фронте определенно поправляются, что партийно-следственная комиссия выполнила свою миссию и вскоре выезжает в Москву.

Перед тем, как уехать с Восточного фронта, товарищи Сталин и Дзержинский 21 января, в 20 часов вновь отправились в Глазов, в штаб III армии. 22 января они получили сообщение с фронта о том, что 29-я дивизия заняла станцию Менделеево (в 92 верстах от Перми), а 30-я дивизия, разбив 5-й и 6-й полки и два штурмовых батальона противника, заняла Ныт-

---

[1] ЦАКА, фонд 176, опись 5, дело № 198, лл. 345—346.

винский завод на восточном берегу Камы и продвигается дальше к с. Рождественскому.

Чтобы упрочить положение III армии и дать ей возможность развить успехи, товарищи Сталин и Дзержинский предложили командованию направить 30 января на фронт 63-й полк 3-й бригады, очищенный от ненадежных элементов, а в первых числах февраля, после особенно тщательной чистки, втянуть в бой и 61-й полк той же бригады. Одновременно перед центром был поставлен вопрос о присылке в III армию еще трех надежных полков.

Вот что писали товарищи Сталин и Дзержинский о мерах, принятых для укрепления фронта, в своем отчете Ленину:

„К 15 января послано на фронт 1 200 надежных штыков и сабель; через день — два эскадрона кавалерии. 20-го отправлен 62-й полк 3-й бригады (предварительно профильтрован тщательно). Эти части дали возможность приостановить наступление противника, переломили настроение III армии и открыли наше наступление на Пермь, пока-что успешное. 30 января отправляется на фронт (после месячной чистки) 63-й полк той же бригады. 61-й полк может быть отправлен не ранее 10 февраля (нужна особо тщательная чистка). Ввиду слабости крайнего левого фланга, открытого для обхода со стороны противника, батальон лыжников в Вятке пополнен добровольцами (всего 1 000 бойцов), снабжен скорострельными пушками и отправлен из Вятки 28 января в сторону Чердыни на соединение с крайним левым флангом III армии. Не-

обходимо отправить из России на поддержку III армии еще три надежных полка для того, чтобы действительно упрочить положение армии и дать ей возможность развить успехи. В тылу армии происходит серьезная чистка советских и партийных учреждений. В Вятке и в уездных городах организованы революционные комитеты. Начато и продолжается насаждение крепких революционных организаций в деревне. Перестраивается на новый лад вся партийная и советская работа. Очищен и преобразован военный контроль. Очищена и пополнена новыми партийными работниками губчрезвычайная комиссия. Налажена разгрузка вятского узла" [1].

Таким образом было обеспечено все для успешного продвижения армии вперед. И только после этого, 25 января, в 4 часа утра, партийно-следственная комиссия выехала в Вятку, а оттуда через несколько дней в Москву [2].

Контрнаступление красных войск, организованное товарищами Сталиным и Дзержинским, продолжалось. Вслед за ст. Менделеево белые оставили Григорьев-

---

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году". К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия", стр. 146—147.

[2] Дата выезда комиссии из Глазова определена, во-первых, на основании одного из разговоров по прямому проводу штаба III армии с Окрвоенкоматом, в котором имеется указание о том, что комиссия выехала в Вятку в 4 часа утра, но нет указания на день выезда и день разговора по прямому проводу (ЦАКА, фонд 176, дело № 198) и, во-вторых, на основе извещения телеграфа в Вятский Военревком о том, что посланная им 24 января теле-

скую. Невдалеке от этой станции отряд красноармейцев заметил большой снежный холм, из которого виднелись посиневшие руки и ноги. Когда красноармейцы разрыли снег, они увидели жуткую картину. Сваленные в кучу лежали изуродованные трупы 6 женщин и 15 мужчин. Колчаковские бандиты долго издевались над ними, подвергая нечеловеческим истязаниям: отрубали руки, ноги, вырезали у женщин груди. Девушку Ирину Екимову изнасиловали и закололи штыками. Учительницу Тарасову, за то, что она учила детей петь революционные песни, остервенело били прикладами, рубили саблями, кололи штыками, пока она не была истерзана до неузнаваемости. Семью красного комиссара из деревни Фоминят (отца, мать и сестру) после долгого глумления изрубили саблями.

Молча стояли красноармейцы над закоченевшими трупами. Бойцам не один раз приходилось видеть мрачные следы зверского хозяйничанья колчаковцев. Глубокая ненависть и непреклонное желание уничтожить врага наполняли их сердца.

Наступление III армии вызвало активизацию дей-

грамма Сталину и Дзержинскому не доставлена за выездом адресатов (АОР Кировской области, фонд губвоенревкома, дело 18, л. 25). Так как телеграмма была послана 24 поздно вечером и 25 уже не застала комиссию Совета Обороны, то, повидимому, товарищи Сталин и Дзержинский выехали из Глазова 25 января, в 4 часа утра.

Из Вятки в Москву партийно-следственная комиссия выехала не раньше 27 января, так как увезла с собой сведения о положении на фронте к 24 часам 26 января.

ствий по всему Восточному фронту. 22 января был освобожден Оренбург, а 24 января части славной Чапаевской дивизии[1] вступили в город Уральск[2].

Колчак отступал к Уральским горам.

Население районов, освобожденных от белогвардейцев, с радостью встречало Красную Армию. В чем причина того, что вятские и пермские крестьяне, еще недавно недоверчиво, а порой и враждебно относившиеся к Советской власти, стали целиком на сторону Советов? Причина заключается в том, что крестьянство Приуралья на собственном печальном опыте убедилось, что Колчак несет с собой диктатуру буржуазии и помещиков, прежний гнет, грабежи и насилие.

Крестьяне, говорил Ленин, „...теперь сами это испытали, когда увидели, что большевики брали одну лошадь, а колчаковцы брали все,—и лошадей и все остальное, и вводили царскую дисциплину“[3].

Сравнив на опыте диктатуру буржуазии и диктатуру рабочего класса, крестьяне стали на сторону последней.

Анализируя этот период, Ленин подчеркивал, что „...опыт Колчакии для нас самый ценный опыт, он нам в небольшом размере показывает то, что происходит

---

[1] 25 Чапаевская дивизия оперировала на правом фланге Восточного фронта.

[2] Утверждение А. Гуковского, что контрнаступление Красных Армий Восточного фронта началось с центрального и южного участков фронта, а потом уже перекинулось на северный, левый фланг (см. указанную брошюру, стр. 40) — неверно. Дело обстояло как раз наоборот.

[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. XXIV, стр. 359.

во всем мире, он показывает нам настоящие источники, — и источники непобедимые, источники неискоренимые, — того, чем большевики сильны“ [1].

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

Роль товарищей Сталина и Дзержинского в организации разгрома Колчака исключительна. Однако значение их работы по расследованию причин пермской катастрофы не ограничивается рамками одного Восточного фронта.

Вернувшись из командировки, они подали Ленину специальный отчет об итогах своей работы.

Отчет, составленный товарищем Сталиным, наряду с блестящим анализом положения на Восточном фронте, показом причин пермской катастрофы и мер, принятых комиссией для ее ликвидации, намечал конкретные пути и методы улучшения работы военного, партийного и советского аппарата во всероссийском масштабе.

Если практическая деятельность партийно-следственной комиссии на Восточном фронте является образцом оперативного большевистского руководства, то письменный отчет комиссии является образцом теоретического анализа обстановки, образцом глубоко научной постановки вопроса о причинах катастрофы и мерах предотвращения подобных явлений в будущем.

Отчет имеет 7 разделов:

1. Общая картина катастрофы.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XXIV, стр. 359.

2. III армия и резервы.
3. Порядок управления армией и директивы центра.
4. Необеспеченность тыла и работа партийно-советских учреждений.
5. Органы снабжения и эвакуации.
6. Потери материальной части и людей в целом.
7. Меры, принятые для укрепления фронта.

Уже одно перечисление разделов отчета дает представление о том, что анализ положения на Восточном фронте сделан всесторонне, ни один вопрос не упущен.

Подробное же рассмотрение этого замечательного документа показывает, какую огромную работу нужно было провести, чтобы не только выяснить причины поражения III армии, но и указать путь укрепления фронта и тыла.

В первом разделе товарищи Сталин и Дзержинский дают исключительную по силе картину пермской катастрофы. Ярко и образно, на основе многочисленных фактов, они нарисовали тяжелое положение III армии, ее разгром и паническое отступление от Перми.

Четыре следующих раздела посвящены анализу конкретных причин поражения. Здесь товарищи Сталин и Дзержинский подвергают беспощадной критике систему формирования, управления и снабжения армии, вскрывают недостатки в работе тыловых учреждений, отмечают отсутствие сколько нибудь удовлетворительной политической работы в тылу и на фронте.

Каждый раздел заканчивается четкими выводами

о тех мероприятиях, которые необходимо было провести в жизнь для укрепления как военных, так и гражданских учреждений и организаций. При этом здесь идет речь о тех мероприятиях, которые должны были быть осуществлены центральными органами власти, так как многие кардинальные вопросы партийно-следственная комиссия уже разрешила непосредственно на месте.

Какие же это мероприятия?

Первое, на что обращают внимание товарищи Сталин и Дзержинский, — необходимость иметь всегда в наличии резервы. „Нужно покончить с войной без резервов, — говорится в отчете, — необходимо ввести в практику систему постоянных резервов, без коих немыслимы ни сохранение наличных позиций, ни развитие успехов. Без этого катастрофа неминуема“ [1].

Но мало иметь постоянные резервы. Нужно иметь такие резервы, которые бы отвечали классовой структуре Советского государства, ибо только они могли пойти впрок. Для создания именно таких резервов товарищи Сталин и Дзержинский намечают целый ряд конкретных, тщательно продуманных мероприятий. „Необходимо прежде всего строго делить мобилизованных на имущих (ненадежные) и малоимущих (единственно пригодных для красноармейской службы).

Необходимо, во-вторых, мобилизованных в одном

---

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, стр. 127.

месте отправлять для формирования в другое место, причем отправка на фронт должна происходить по правилу: „чем дальше от родной губернии, тем лучше“ (отказ от территориального принципа).

Необходимо, в-третьих, отказаться от формирования больших громоздких единиц (дивизий), непригодных для условий гражданской войны, объявив предельной боевой единицей бригаду.

Необходимо, в-четвертых, установить строгий непрерывный контроль над Окрвоенкомиссариатами (предварительно обновив их состав), вызывающими среди красноармейцев возмущение (в лучшем случае массовое дезертирство) своим преступно небрежным отношением к делу расквартирования, продовольствования, обмундирования формируемых частей.

Необходимо, наконец, обновить состав Всероссийского Бюро Комиссаров, снабжающего воинские части мальчишками-„комиссарами“, совершенно неспособными к постановке сколько-нибудь удовлетворительной политической работы“ [1].

Все эти мероприятия сводятся, таким образом, к коренному изменению системы мобилизации и формирования войсковых частей. А так как тогдашний Главный штаб не был в состоянии это проделать, то партийно-следственная комиссия решительно поставила вопрос об обновлении самого состава Главного штаба.

---

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, стр. 127—128.

Вторым узловым вопросом в отчете является вопрос о порядке управления армией и директивах центра. Существовавшая практика сводилась к тому, что Реввоенсовет Республики давал необдуманные, часто изменяемые директивы. Товарищи Сталин и Дзержинский отмечали: „Произвол или необдуманность в деле определения директив, без серьезного учета всех данных, и вытекающая отсюда быстрая смена директив, а также неопределенность самих директив, как это допускает Реввоенсовет Республики, исключает возможность руководства армиями, ведет к растрате сил и времени, дезорганизует фронт“ [1].

В свою очередь между армиями не было координации действий, а внутри отдельных армий сказывалась слабость Реввоенсоветов армий, оторванность штабов от боевых участков и т. д.

Чтобы ликвидировать эти недостатки, товарищи Сталин и Дзержинский предлагали:

„Армия не может обойтись без крепкого Реввоенсовета. Реввоенсовет армии должен быть составлен по крайней мере из трех членов, из коих один наблюдает за органами снабжения армии, другой — за органами политического воспитания армии, третий — командует.

...Штарм не должен ограничиваться официальными донесениями (нередко неправильными) начдивов и начбригов, он должен иметь своих представителей —

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, стр. 133.

агентов, регулярно информирующих штарм и зорко следящих за точным исполнением приказов командарма.

Армия не может действовать как самодовлеющая, вполне автономная единица, в своих действиях она всецело зависит от смежных с ней армий и прежде всего от директив Реввоенсовета Республики: самая боеспособная армия при прочих равных условиях может потерпеть крах при неправильности директив центра и отсутствии действительного контакта со смежными армиями.

„...Необходимо преобразовать Реввоенсовет Республики в узкую, тесно связанную с фронтами группу, скажем, из пяти лиц..., достаточно опытных для того, чтобы не допустить произвола и легкомыслия в деле управления армиями“ [1].

Характеризуя выше работу партийно-следственной комиссии по укреплению тыла III армии, мы уже отмечали, что товарищи Сталин и Дзержинский непосредственно на месте исправили целый ряд крупнейших недостатков, характерных для Вятской и Пермской губерний. Но наряду с этими специфичными, порожденными местными условиями, недостатками существовали и такие, которые были распространены в ряде других районов Советской республики. Главными из них являлись: заброшенность партийной работы, неумение местных советских органов претворить в жизнь директивы центра, слабое руководство Совде-

---

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“ стр. 132—134.

пами со стороны центральных органов власти. Нельзя забывать, что советский государственный аппарат находился еще в стадии становления, а большинство советских работников не имело опыта государственной работы.

Об организационных задачах того времени товарищ Сталин впоследствии писал: „Период 1917—1918 гг. был периодом переломным для партии и государства. Партия в этот период впервые стала правящей силой. Впервые в истории человечества возникла новая власть — власть Советов, власть рабочих и крестьян. Перевести партию, дотоле нелегальную, на новые рельсы, создать организационные основы нового пролетарского государства, найти организационные формы взаимоотношений между партией и Советами, обеспечив партии руководство, а Советам их нормальное развитие, — такова сложнейшая организационная задача, стоявшая тогда перед партией“ [1].

Практические предложения по вопросам партийного и советского строительства, выдвинутые товарищами Сталиным и Дзержинским в их отчете, имели поэтому особо важное значение.

Товарищи Сталин и Дзержинский считали необходимым: „1-е — Установить строгую регулярную отчетность местных партийных организаций перед ЦК; регулярно снабжать местные партийные организации циркулярными письмами от ЦК; организовать при ЦО отдел

---

[1] В. И. Ленин. И. В. Сталин. „О Якове Михайловиче Свердлове“. Партиздат, 1937 г., стр. 16—17.

печати для руководства провинциальной партийной печатью; создать школу партийных работников (главным образом из рабочих) и организовать правильное распределение работников. Все это возложить на секретариат ЦК партии, который выделить из состава ЦК.

2-е — Строго разграничить сферу компетенций ЦИК и Наркомвнудел в деле руководства текущей работой Совдепов, слить ВЧК с Наркомвнуделом, возложить на Наркомвнудел обязанность следить за правильным и своевременным исполнением Совдепами декретов и распоряжений центральной власти; обязать Губсовдепы регулярно отчитываться перед Наркомвнуделом; обязать Наркомвнудел регулярно снабжать Совдепы необходимыми указаниями; организовать при „Известиях ЦИК" отдел печати для руководства провинциальной советской печатью.

3-е — Организовать при Совете Обороны Контрольно-Ревизионную комиссию для расследования „недостатков механизма" Народных Комиссариатов и соответствующих отделов на местах как в тылу, так и на фронте"[1].

В следующем разделе отчета товарищи Сталин и Дзержинский намечают конкретные мероприятия для улучшения снабжения армии. Ни одна деталь, ни один конкретный, на первый взгляд мелкий, вопрос не ускользнули от их внимания. Все продумано и взвешено до мелочей.

---

[1] „Сталин и Дзержинский о причинах падения города Перми в 1918 году". К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия", стр. 138—139.

Замечательный документ заканчивается сообщением о мерах, принятых для укрепления фронта. В сжатых, четких фразах рассказывается об основных мероприятиях, проделанных комиссией. Здесь нет ни одного слова об условиях работы комиссии, но за каждой строчкой скрыты бессонные ночи, кипучая организаторская деятельность, железная воля вождей большевистской партии.

Отчет партийно-следственной комиссии имел огромнейшее значение. Он был положен в основу перестройки всей работы как военных, так и гражданских учреждений Советской республики. Именно за реализацию предложений этого документа Ленин и Сталин вели жесточайшую борьбу с Троцким на VIII съезде партии весной 1919 г. Проведение в жизнь основных положений отчета партийно-следственной комиссии во многом способствовало укреплению боевой мощи Красной Армии, укреплению красного тыла, без чего была бы немыслима победа на фронтах гражданской войны.

И сейчас, спустя много лет со дня появления этого замечательного документа, когда неузнаваемо изменилось лицо нашей страны и нашей Красной Армии, когда в социалистическом государстве создано нерушимое морально-политическое единство всего народа, во многих своих положениях отчет не утратил актуальности. Изучая этот исторический источник, советский народ учится сталинской мудрости, сталинскому искусству побеждать врага.

Товарищи Сталин и Дзержинский пробыли на Вос-

точном фронте около месяца. За этот короткий срок они не только выполнили задание ЦК партии по расследованию причин падения Перми, но и провели огромнейшую работу по восстановлению боеспособности III армии, по укреплению тыла, по разоблачению вредительских действий иуды-Троцкого и его подлых приспешников.

Укрепление тыла и армии дало возможность приостановить наступление противника и начать контрнаступление, которое отбросило белых на восток по всей линии фронта.

Попытки интервентов завладеть железнодорожной веткой Вятка — Котлас и объединить свои силы на севере потерпели крах.

Меры, принятые комиссией Совета Обороны по укреплению левого фланга Восточного фронта, имели решающее значение для проведения аналогичной работы по всей прифронтовой полосе на востоке.

Несмотря на противодействие предателя Троцкого и его ставленников в армиях и в Реввоенсовете Восточного фронта, эта работа принесла должные результаты, обеспечив окончательный разгром колчаковских банд.

...Весной 1919 г. интервенты начали свой первый комбинированный поход против Советской страны. Главную роль в этом походе играл адмирал Колчак. В начале похода Колчак предполагал еще продолжать осуществление ранее выработанного стратегического плана, то есть итти на Вятку для соединения с англичанами. Но работа, проделанная товарищами Сталиным

и Дзержинским в районе действия III армии, настолько укрепила этот участок, что сколько-нибудь серьезных успехов в этом направлении белогвардейцам достигнуть не удалось. Тогда стратегический план белого командования был вновь изменен в сторону южного направления. Этот план был изложен Деникиным в письме к Колчаку, перехваченном красными частями весной 1919 г. Деникин писал: „Главное—не останавливаться на Волге, а бить дальше на сердце большевизма, на Москву. Я надеюсь встретиться с Вами в Саратове... Поляки будут делать свое дело, что же касается Юденича, он готов и не замедлит ударить на Петроград...“[1].

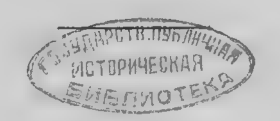
Наступление Колчака приобретало угрожающие размеры. Партия бросила на Восточный фронт лучшие силы. Для нанесения решающего удара Колчаку 10 апреля 1919 г. была создана Южная группа красных войск в составе I, IV, V и Туркестанской армий во главе с талантливым пролетарским полководцем — большевиком Фрунзе.

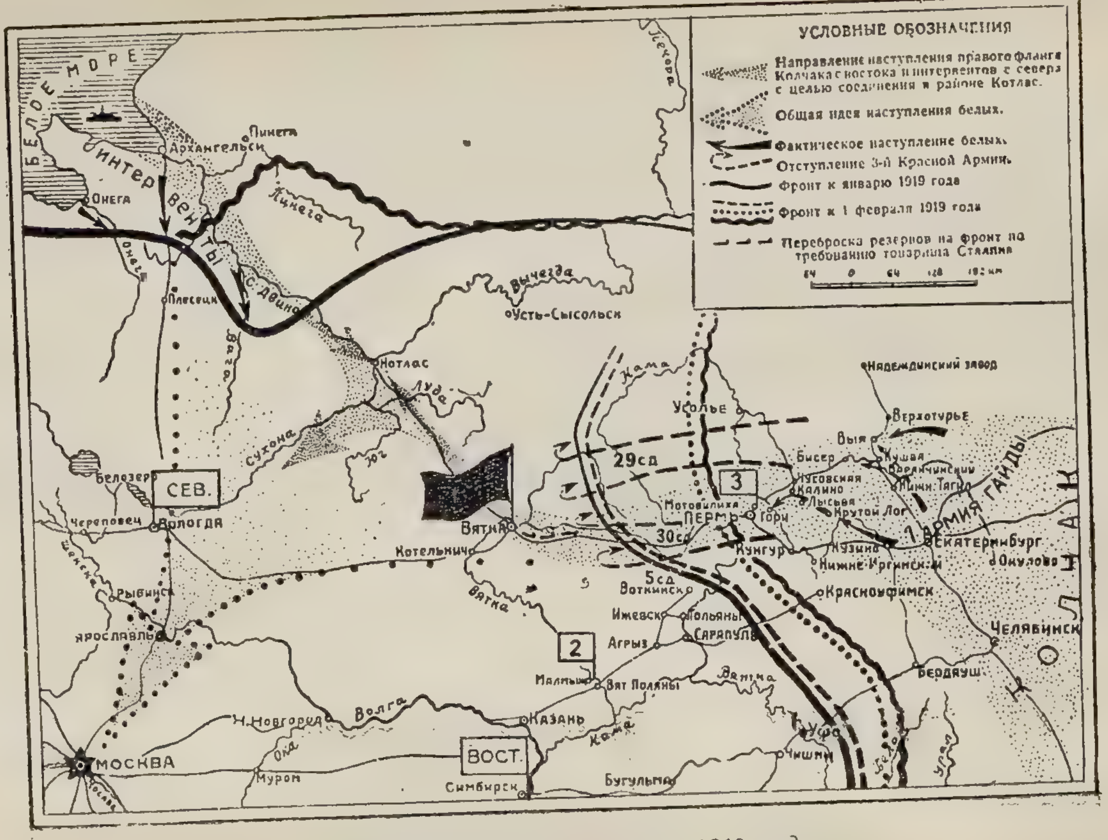
Южная группа блестяще выполнила поставленную перед ней задачу. Несколькими операциями она разбила армию Колчака, отбросив ее к Уралу. В это время иуда-Троцкий вновь выступил с предательским планом, предлагая прекратить наступление на восток и перебросить оттуда красноармейские части на другой фронт. Осуществление этого вредительского плана

[1] Письмо приведено в статье товарища И. Сталина „К военному положению на юге“. К. Е. Ворошилов. „Сталин и Красная Армия“, стр. 170.

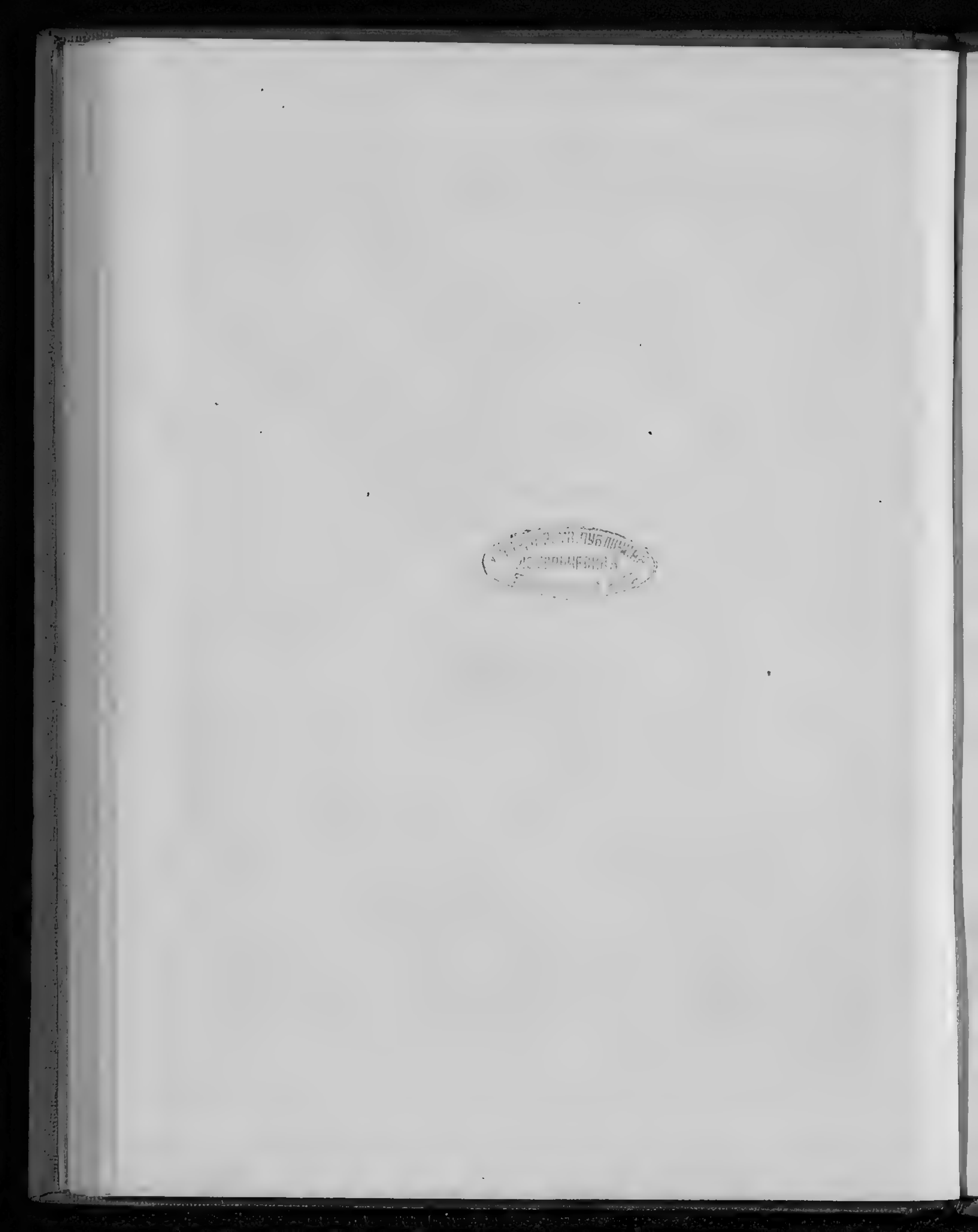
привело бы к тому, что недобитый Колчак, оправившись от поражений, вновь бы стал угрожать Советской республике с востока. Ленин и Сталин решительно выступили против предательского предложения Троцкого. ЦК партии отклонил изменнический план. Наступление на Колчака продолжалось. Мощное партизанское движение, охватившее всю Сибирь, способствовало полному разгрому колчаковской армии. В конце 1919 г. части Красной Армии заняли „столицу" „верховного правителя" — Омск, а в начале марта 1920 г. победоносно вступили в Иркутск.

Величественная работа, проделанная товарищами Сталиным и Дзержинским по укреплению Восточного фронта, по разгрому Колчака, разоблачению предательской деятельности Троцкого, вписала одну из самых ярких страниц в историю гражданской войны.

Восточный фронт к январю 1919 года.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Софинов. Сталин и Дзержинский на Восточном фронте. Кировское областное издательство. 1940 г.

Индекс П-1-б. Изд. № 25.

▽

Редактор *П. А. Потапов.*

Технический редактор *Н. М. Хохлачев.*

Корректор *А. А. Никулина.*

▽

Сдано в набор 4/XII—1939 г. Подписано к печати 14/I—1940 г. Формат 60 х 92/20. Объем 2,4 бум. л., 4 печ. л., 3,4 авт. л., 4 уч.-изд. л., 33 000 тип. знаков в печ. л. Тираж 10 000 экз.

▽

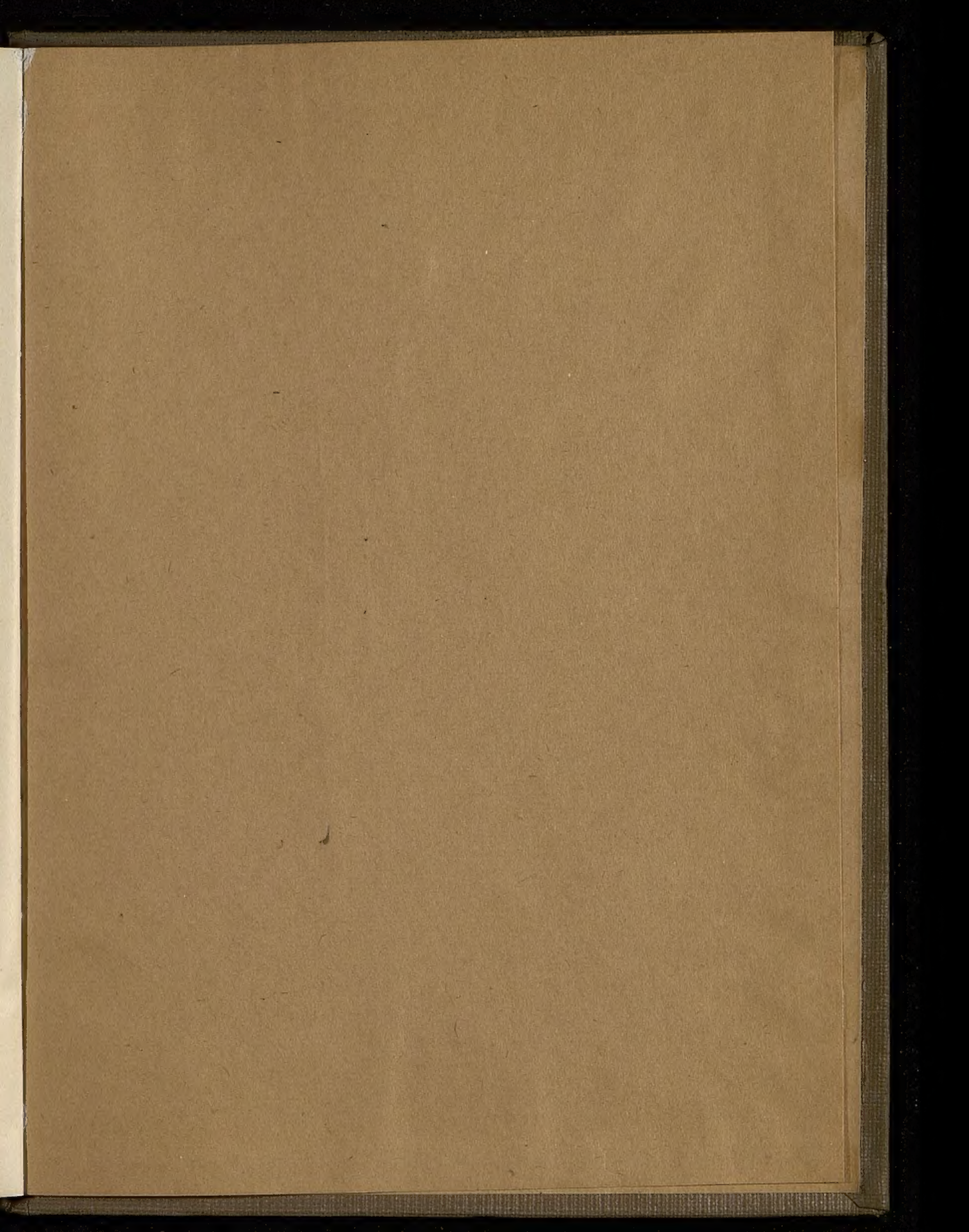
Уполномоченный обллита Б-8102.

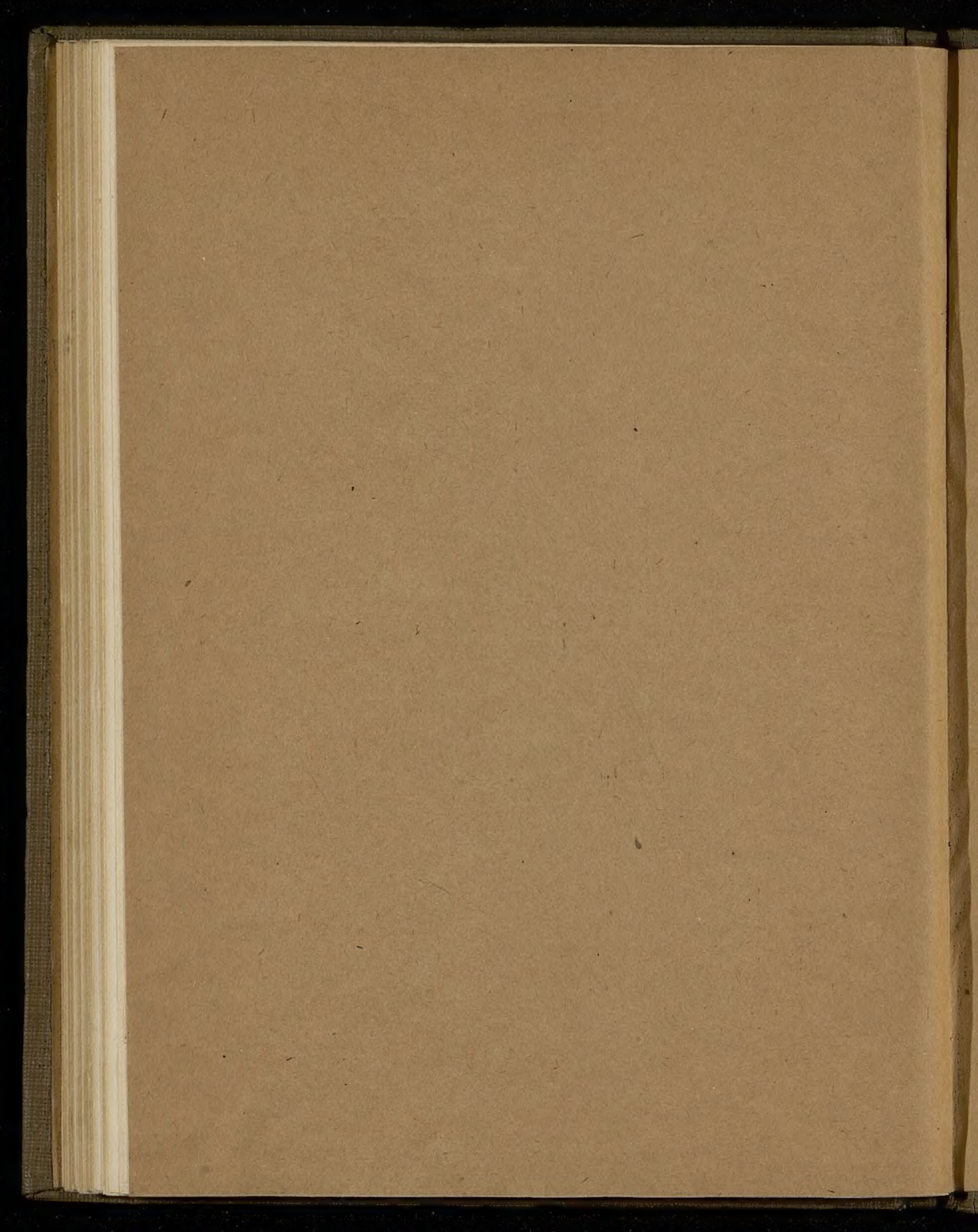
▽

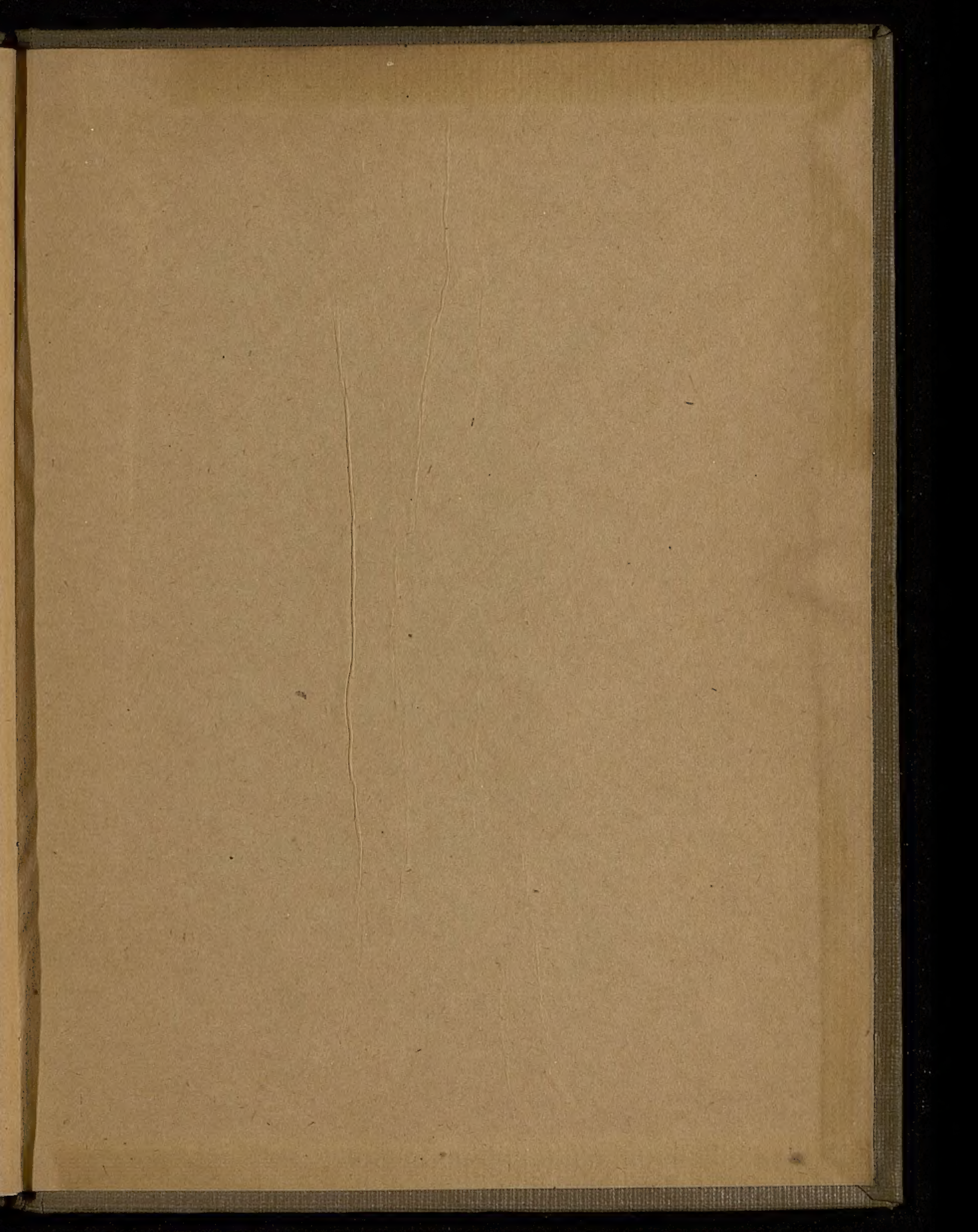
Типография издательства „Кировская правда". Киров, площадь Степана Халтурина, 40. Зак. № 6131.

▽

Цена книги в переплете 1 р. 80 к.

1 р. 80 к.